

Урожайный Фестиваль

Вяженина Руднева

УБИЙСТВО
В
ТАМБОВСКОМ ЭКСПРЕССЕ

Валентина Алексеевна Андреева

Убийство в Тамбовском экспрессе

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2771285

Убийство в Тамбовском экспрессе : роман / Валентина Андреева: Астрель: АСТ; Москва; 2011

ISBN 978-5-17-072698-1, 978-5-271-34938-6, 978-5-226-04034-4

Аннотация

Как провести новогодние каникулы с пользой для собственного здоровья, попутно ликвидируя чужой душевный дисбаланс? Очень просто – если организованной группировкой отправиться в «Тамбовские Альпы». Собственное здоровье укрепит постоянный бег от смертельной опасности как на короткие, так и на длинные дистанции. При этом чужой душевный дисбаланс покажется сущим пустяком в сравнении со своим. Волею судьбы Ирина и Наталья оказываются в самом эпицентре загадочных и жутких событий.

Содержание

Часть первая	4
1	4
2	10
3	15
4	20
5	25
6	30
7	35
8	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Валентина Андреева

Убийство в Тамбовском экспрессе

Часть первая

Подкидная дама с Олимпа

1

Ветер был попутным, порывами схожий с ураганным. Этим ветром, вооруженным снежной шрапнелью, нас с Наташкой и унесло из гостей, прямо на ночь глядя. Кстати, вместе с гостеприимной хозяйкой Катериной. Бегству радовались, но по разным причинам. Лично мне и Наталье хотелось незамедлительно стряхнуть мелкую идиотскую пыль, которую Кэт, сама того не ведая, пускала нам в глаза неполных два дня и две ночи.

Приятно чувствовать себя умнее всех, тем хуже в конечном итоге оставаться в дураках. Такое, знаете ли, разочарование в окружающем тебя мире... Как же мне не хотелось ехать в эту глушь! Наташкина идея. Жалостливой подруге приспичило немедленно осуществить радикальные меры по оздоровлению душевного состояния Катерины, которую, по ее словам, бросил муж. И ладно бы свой, законный, которого у нее отродясь не имелось. Тимур являлся чужим, да и то бывшим, причем в квадрате – дважды разводился. Жениться в третий раз, по Кэткиным словам, не собирался. Перестраховщик! Обжегшись на молоке, дул на воду. Впрочем, на молоко и молочные продукты у него с детства была аллергия. Не следовало Кэтке вообще с ним связываться. Ну что хорошего можно ждать от разведенного во второй степени аллергика стоматолога? Да еще хронического пессимиста, блондина с холодными голубыми глазами и язвительными тонкими губами. Наташка на полном серьезе уверяла, что, в отличие от других людей, Тимур состоит из воды на 99,9 %. Даже голубой цвет глаз стоматолога казался основательно разбавленным. Особенно рядом с брюнеткой Кэткой – весьма яркой особой даже без макияжа. Но дурой редкостной. При всей своей привлекательности она страдала жутким комплексом неполноценности, причем имела обыкновение жаловаться на выдуманные недостатки внешности кому ни попадя. И невольно отпугивала этим представителей противоположного пола. Женский же коллектив такие минуты откровения обожал. Каждая из слушательниц на фоне очаровашки Кэтки чувствовала себя королевой красоты.

Третьего января Кэт подняла Наташку ни свет ни заря, в три часа ночи, мимоходом удивившись, что та спит. Ясен пень, как можно спать, когда стоматолог Тимур Васильевич Егоров, послав Кэтку в трехдневный пансионат под Москвой, сам отправился кататься на горных лыжах, наострив их в Норвегию. И это после того, как она всю жизнь ему отдала (безбедную на целый месяц), изрядно потратившись на организацию праздничного новогоднего вечера. Кэтка, значит, ему праздник стоимостью в месячный прожиточный максимум и дороговую электробритву в качестве приложения, а он ей – оплаченные три дня в каком-то занюханном пансионате. С напоминанием о том, что там за небольшую плату можно приобрести лыжи напрокат. Ошарашенная Кэтка, неловко улыбнувшись, сделала вид, что страшно обрадовалась путевке, но повела себя совсем нелогично. Не спуская со стоматолога благодарных глаз, медленно разорвала ее на мелкие кусочки, которыми, подобно конфетти, усеяла искусственную елочку. А затем, испугавшись содеянного, суетливо отрянула ладони и спрятала руки за декольтированную спину.

Часы успели отсчитать двадцать две минуты первого, когда любимый мужчина Катерины, покидая квартиру, яростно хлопнул дверью. Кэтька вздрогнула и очнулась. Тимур забыл электробритву...

Не следовало ей бежать вдогонку своему кратковременному счастью, причем босиком (колготки не в счет). Кэтьку неудачно занесло на повороте лестницы, и она подвернула ногу. Дорогая бритва, рассыпаясь на части, по инерции проскакала еще один лестничный пролет и обрела статус «брошенки».

Судя по Кэтькиным слезным заверениям, вечером второго января Тимур улетел, так и не позвонив. Ее неоднократные звонки оставил без ответа. Третьего января в три часа ночи Кэтька доложила Наташке, что ей совершенно не хочется жить. Наташка спросонья шепотом усомнилась в том, что Кэт неслась вниз по лестнице ногами, а не головой, посоветовала ей выпить снотворное и постараться заснуть. Во сне, можно сказать, толком и не живешь. Катерина, покорно согласившись, высказала желание вообще не просыпаться. А ради чего? Надежда стать Тимуром столь же необходимой, как электробритва, разбилась вместе с ней и гарантийному ремонту не подлежала.

– Да ты, подруга, свихнулась! – начала просыпаться Наташка. – Убиваться из-за какой-то пластиковой железяки! Прекрати выть! Я саму себя не слышу. Никуда твой Тимур не денется. Где он еще такую дуру найдет? До тебя у него только умные попадались. А умная с ним и дня не выдержит... Подожди, перейду в кухню, у меня Борис умный...

Наташка уговорила-таки Кэтьку еще пожить на этом свете, хотя бы назло стоматологу. А за время его кратковременного, как считала, отсутствия оторваться по полной программе. Перво-наперво бездумно пуститься в загул. Тем более, есть где. Одинокая тетя, прикованная к кровати и до прошлого года проживавшая в однокомнатной квартире Катерины, завещала ей свой маленький домик в деревне довольно далеко от Москвы. Хижина пустовала года три – с тех пор, как Кэт перевезла больную тетушку к себе. Состояние здоровья старушки и работа Катерины не позволяли бывать в деревне даже летом. Но иным местом для предполагаемого загула Кэт не располагала. Одной, конечно, не очень разгуляться. Что поделаешь, главное сейчас не в том, как на самом деле пройдут зимние каникулы, а как преподнести это общим с Тимуром друзьям и знакомым. Важно, что в Москве Катерины не будет.

Вначале Кэтька сомневалась в целесообразности поездки. «Разгуляться» лучше в собственной квартире со всеми удобствами.

– Ты забыла, что тебе в твоей тюрьме со всеми удобствами жить не хочется! – отрезала Наташка. – Только представь себя запертой в четырех стенах, балкон, кухню, коридор и совмещенный санузел не считаю. Да еще отрезанной от телефонной связи, от электричества...

– Почему от электричества? – оторопела Кэтька.

– Ну ты же не хочешь, чтобы знакомые или соседи вызвали наряд милиции, а то еще веселее – МЧС, поскольку в твоей якобы пустующей квартире с наступлением темноты регулярно включается свет, а на звонки в дверь и по телефону никто не реагирует.

– Милиция, МЧС... – зхом отозвалась Кэтька и встряхнулась. – Хоть какое-то разнообразие... В избушке покойной тетушки я просто умру от страха. Какой смысл? Можно прекрасно умереть в цивилизованных условиях.

– Одно дело умереть со страха, другое – от мучительной тоски. У вас там хоть какие-то горки есть?

– Нет. Сплошная равнина.

– Собирайся. Попробую уговорить Иришку отдохнуть в российских «Альпах».

С этим предложением Наталья и заявила ко мне в одиннадцать часов утра, когда я пробовала заглушить таблеткой головную боль. Хронический недосып – закономерный результат праздничных ночных фейерверков. Но именно сегодняшней ночью их количество было сведено к минимуму, кризис ударил по карманам «подрывников». Несмотря на это

благоприятное обстоятельство, я по собственной инициативе коротала время отдыха в нервном ожидании окончания очередной затянувшейся паузы между запуском петард и постепенно зверела от томительной бессонницы. Надежда на усыпляющую терапию телепередач не оправдалась, ибо я ухитрилась попасть на сводку чрезвычайных происшествий. В поисках куда-то запропастившегося пульта прослушала ее «от» и «до» и окончательно расстроилась. У преступников нет новогодних каникул. Накануне вечером произошел ряд квартирных краж, грабежей, два убийства на бытовой почве и еще одно, судя по характеру, – заказное, совершено до Нового года. Известного журналиста с пулями в сердце и голове обнаружили в лесу неподалеку от его машины. Бесстрастный диктор сухо, но страшно описывал детали преступлений. Выудив, наконец, пульт из-под подушки, я выключила телевизор и всерьез задумалась о смене обстановки. Наташка в роли вестницы перемен появилась очень кстати.

Согласившись на трехдневную (плюс-минус сутки) поездку «на дачу к Кэтьке», я обрадовалась до щенячьего визга. Почему-то казалось, что эта дача в нескольких километрах от кольцевой. Наталья, удивленная отсутствием всякого сопротивления с моей стороны, несколько охладила мою радость тем, что коллектив собирается исключительно женский. Значит, хирургу Ефимову, если он, как ее Борис, считает себя настоящим мужчиной, в нем делать нечего. Хирург Ефимов таковым себя считал, но и дома одному как-то нечего было делать. Не долго думая, Наталья составила список занятий, для выполнения которых Димке не хватило бы и всей жизни. В итоге мой муж, рассыпая угрозы, засобирался «в бега» – на нашу промерзшую насквозь дачу. Не иначе, как за острым респираторным заболеванием. Решив вопрос с ним, Наталья без труда уладила его и с собственным мужем. А проторенным путем – привела ему в пример поведение настоящего мужчины, хирурга Ефимова. В конечном итоге через пару часов оба настоящих мужчины уговорили третьего настоящего мужчину, общего знакомого Листратова, срочно возвести баню. Тот вначале сопротивлялся, пока ему не напомнили, что прекрасно отапливаемый коттедж без бани не смотрится.

Интуиция напомнила о себе после шумного отъезда супругов. В тот момент, когда подруга поведала, что загородный домик хорошо знакомой ей и поверхностно (на уровне «привет – как дела? – пока») знакомой мне Кэтьки, находится далеко за пределами Московской области. И это лично для меня счастливый случай. В десять вечера отъедем, полвосьмого утра будем на месте. С билетами вопрос решен. Всего одна ночь – девять с половиной часов в поезде «Москва – Тамбов», и я сразу почувствую себя хорошо отдохнувшей. Далее была изложена подоплека поездки.

Пару часов я выдумывала поводы для отказа от романтического путешествия под кодовым названием «Разгуляй». Перспектива тащиться в Тамбов, место виртуального проживания моей виртуальной покойной тетушки¹, а равно иные неприятные воспоминания, связанные с этим городом, совершенно не радовала, чему способствовало и неясное чувство тревоги. Оно же не позволяло спровадить туда вместе с Кэтькой Наташку одну. Мало ли что. В результате в поезд «Москва – Тамбов» мы сели втроем: измученная сама собой Катерина, уверенная в себе Наташка и я, в душе проклинаяющая всех подлых стоматологов, отдыхающих в Норвегии. И кто бы мог подумать, что уже на следующий день мы с Наташкой будем катить из Тамбова в обратном направлении.

Кэтькино наследство в результате качественного ухода оказалось в отличном состоянии. С соседкой у покойной тетушки существовала платная договоренность, что без присмотра дом бывшей подружки она не оставит. Через каких-нибудь двадцать лет племянница Катерина выйдет на пенсию и переедет в деревенское гнездышко. И соседка его без присмотра не оставила. Сдавала на лето дачникам, зимой протапливала, а на новогодние кани-

¹ Роман В. Андреевой «Ложь напрокат».

кулы поселила в нем свою дочь Настю, временно сбежавшую от гражданского мужа в поисках спокойной жизни. Даже не поленилась прозвониться Кэтьке и уточнить, не входит ли в ее планы сойти с ума и прикатить на праздники в деревню. Но об этом Кэтька вспомнила только переступив порог избы соседки с намерением получить ключи от дома тетушки.

Анастасия, организовав от скуки в Кэтькином доме миниатюрную гончарную мастерскую, творила, что хотела, но мы застали ее на стадии последнего этапа ликвидации предприятия – заметании веником следов его пребывания. Очень торопливо, а потому неаккуратно она стала запихивать в сумку свои малочисленные шмотки. С нашим неожиданным появлением женщина, как мне показалось, испугалась. Кэтькино равнодушное приветствие и комплимент, что за пятнадцать лет она ничуть не изменилась, приняла со смущением, хотя выглядела потрясающе молодой и хорошенькой. Ничуть не уступала своей дорожкой шубке из меха шиншиллы, которую поторопилась натянуть, не считаясь с незавершенностью сборов. Длинная, до пят, с широкими рукавами и объемным воротником-шалькой шуба явно тормозила процесс. Без конца извиняясь, Настя спешно закончила наводить в избе порядок и, ссылаясь на необходимость срочного отъезда, отправилась к родительнице, роняя по дороге свои вещи. На прощанье подарила нам собственные поделки – глиняные кувшины красоты необыкновенной. Они были невероятно тяжелые, так как их украшали глиняные же цветы. По словам Насти, она никогда не повторяла рисунок. Сразу же после восторженных отзывов мы с превеликой осторожностью уложили подарки в сумки, предупреждая друг друга, что главное – не повредить мои ромашки с васильками и Наташкины васильки с пшеничными колосьями. Катерина по этому поводу не волновалась. Чего уж там, если личная жизнь рушится. Правда, позднее нашла силы порадоваться за сорокалетнюю Настю, возраст которой подсчитала с трудом: наконец-то она образумилась. Тетушка Кэтьки считала соседскую дочь особой набалованной, безалаберной, способной выживать только на чьей-нибудь шее.

В двадцать пять лет девица сорвалась в Саратов следом за каким-то заезжим шалопаем и с тех пор кочевала по разным городам в попытках устроить свою личную жизнь.

Уже через час жизнь показалась сносной, а чуть позднее, после обеда, близкой к совершенству. И вдруг разом обернулась кошмаром. Во-первых, появился, надо полагать, законный муж Насти, с порога потребовал ее выдачи.

И обязательно вместе с шубой. Заверения в том, что женщина сразу же после нашего появления, сверкнув дорогим мехом, вернулась в дом матери, были оставлены без внимания. Он стоял на своем: соседи сказали – мать, точно, прячет ее здесь. Видели упакованную в кроличью шубу бабу в вечер ее приезда, а потом тетка Зоя без конца таскала разносолы в избу покойной Кутепихи. Для чужого человека так стараться не будет. Покинутый муж повторял – беглянка обязана вернуться и вернуть то, что у него украла. Это дело чести дагестанца. Перед родными и друзьями стыдно. У него только два пути. Либо немедленно развестись, либо доставить ее домой, делая вид, что ничего не произошло – все по плану. Второй вариант предпочтительнее, ибо он сгорает от одиночества и желает вновь обрести прежнюю спокойную для него жизнь. Готов идти на некоторые уступки.

Горячий дагестанец перевернул вверх дном все, что можно было перевернуть. Пытался отыскать любимую даже в топящейся печке и, вывозившись в саже, стал похож на лысого черта. Я едва успела подхватить летевшую в направлении окна штуку, именуемую, как догадалась, ухватом. Ревнивец был готов вышвырнуть вещи и из принадлежащих нам сумок, но Наташка вовремя вспомнила о чувстве нашего достоинства, как я подозреваю, имея в виду кувшины. Она сделала вид, что прозвонилась в милицию, не своим голосом заорала: «В Сидоровке совершен разбойный налет на незащищенных женщин!» При этом я весьма основательно шарахнула недобра молодца по спине ухватом. Уж очень испугал вопль подруги о нашей незащищенности. Озадаченный ощущениями от полученного удара муж Анастасии на

какое-то время задумался, скосив карие очи на киот. Затем встряхнулся и, резко осудив мое поведение на своем языке, помахал кулаками в воздухе, сплюнул на пол и выскочил вон.

Около часа мы наводили порядок и закончили с этим в начале четвертого, полные надежд на спокойные вечерние посиделки. А ровно в половине четвертого в дом вкатился клубок из двух мужиков, от души колошмативших друг друга. Несмотря на их тесное сотрудничество в этом деле, препятствующее детальному изучению личностей дерущихся, нам удалось их идентифицировать. Одним бесспорно был дагестанец. Большая залысина – главная его примета. Вторым, как догадались, являлся Кэтькин стоматолог, хотя она никак не могла выговорить до конца его имя. Вполне понятно: не верила своим глазам. Да и разум отказывался воспринимать тот факт, что лайнер, проболтавшись в воздушном океане почти сутки, совершил вынужденную (по убедительной просьбе стоматолога) посадку в деревне Сидоровке. На худой конец, Тимура могли просто выкинуть с парашютом. Вот только погода за окном была явно нелетная. Разыгравшаяся метель, швырялась в окна пригоршнями снега, ветер надсадно выл на разные голоса, тщетно пытаясь превзойти вопли дерущихся. Двоеборцы истошно орали, требуя друг от друга ответа, на каком основании каждый из них заявился к его жене. Оперативного простора для разборки не хватало. Мы старались им не мешать – вжались в угол.

– Ир, зря ты ухват убрала, – посетовала Наташка. – Мы бы сейчас им доходчиво объяснили, что жены у них разные.

– Ухватом тут не доорешься, – с сомнением возразила я. – Видишь, с каким увлечением Кэтькин стоматолог пересчитывает зубы дагестанцу. Вот что значит профессионал!

– А тот не иначе как инопланетянин. Смотри, упорно старается уложить волосы специалиста кругами. С проплешинами, как у себя.

Последний комментарий отвлек потерявшую дар речи Кэтьку от размышлений о судьбе залетного лайнера. Рискуя собственным здоровьем, она подскочила к столу, схватила чайник и с молодецким «И-эх-х-х!» выплеснула его содержимое на дерущихся. Надо сказать, неудачно. Во всяком случае, они этого даже не заметили, поскольку успели откатиться в сторону. Я покосилась на коробку с пирожными, которыми в ближайшее время планировалось скрасить наш вечерний «Разгуляй». Уж очень внимательно Кэтька к ним приглядывалась.

– Даже и не думай, – тихо сказала Кэтьке Наташка. Приблизившись по стеночке к столу, схватила коробку, кинула ее мне. Я ойкнула и по инерции, неожиданно для самой себя, переправила ее Катерине. Одним хлопком ладоней та ее застопорила. В моей душе поднялась буря почище, чем на улице, но я человек выдержанный. В конце концов, крем с пластиковой упаковки можно и слизать.

Тем временем Наташка задействовала стол в качестве бронетранспортера и, тщательно прицелившись, удачно наехала им на подуставших борцов, вяло продолжающих волтузить друг друга. Прижав их к печке, она сосчитала до десяти и отъехала, после чего компания распалась. Тяжело дыша, мужчины сидели на полу, вытирая рукавами курток вспотевшие лица и обменивались яростным шипением.

– Екатерина!.. – с трудом выговорил Тимур, пытаясь разом сконцентрировать взгляд на нас троих. Забыл, что нельзя объять необъятное. Мы торчали в разных местах. – Кто... этот... абрек?

– Наверное, муж Анастасии, – с готовностью подсказала Кэтька, роняя на пол коробку с пирожными. – Здравствуй, милый.

– А что... он здесь делает? У тебя!

– Так сидит... – окончательно растерялась Катерина.

Видя, что разговор принимает нежелательный оборот, Наташка перегнулась через стол и внесла ясность:

– Этот абрек пару часов назад искал в нашем доме любовника своей жены Анастасии.

– Ну так и отдайте его человеку. Зачем он вам?

– Точно достукался! Головой об землю. И не единожды. Я ж говорила, с самолета насильно выкинули, – обернулась к нам Наташка. – Кэт, ты не будешь возражать, если мы твоего стоматолога сдадим этому пришельцу? – Она небрежно кивнула в сторону дагестанца. – Не уверена, что он нам нужен, тем более сам напрашивается. Других кандидатур на звание любовника Анастасии здесь нет, а без него джигит от нас не отстанет.

Кэтька ответить не успела.

– Да что вы все, на самом деле?! С ума посходили?!

Стоматолог нашел в себе силы вскочить.

– Зачем мне какая-то Анастасия, которую я в глаза не видел и видеть не хочу?

Ох, Тимур и орал! При этом еще ухитрялся отбиваться от абрека. С миролюбивым «Э-э-э?» тот упорно старался усадить бывшего противника рядом с собой... Не знаю, как долго бы это продолжалось, если бы Наташка не выплеснула в лицо стоматологу остатки заварки из чайника. В отличие от Кэт, у нее это получилось удачно. Настасьин муж тут же воспользовался паузой протянуть противнику руку и представиться:

– Рустам. Мусалов.

– Тимур Игнатьевич Егоров, – сообщил стоматолог, правой рукой отвечая на рукопожатие, а левой брезгливо сбрасывая с лица лишнюю влагу с чайниками.

– Он прямо из самой Норвегии, – светясь от счастья, застенчиво добавила Кэт.

– Из какой Норвегии?! – взмахнул руками стоматолог. – Я прямо со скорого поезда, для которого Тамбов – промежуточная станция. Еле такси поймал. Норвегия! Ты же сама в новогоднюю ночь разорвала оба наших авиационных билета. Вместе с конвертом.

Он пожевал губами, вытянул из кармана платок и аккуратно выплюнул в него чайники.

– Там не было билетов, – с дурацкой улыбкой отчаянно замотала головой Кэтька. – Только путевка в подмосковный пансионат. Ты же сам...

– Шуток не понимаешь? За кого ты меня приняла? Неужели я похож на человека... Словом, собирайся. Времени в обрез. Такси ждет, а поезд ждать не будет. Визы в загранпаспортах имеются. Новые авиабилеты я удачно приобрел, до Москвы поедем поездом в СВ, свои вещи собрал – чемодан в такси, такси на дороге, за твоими успеем заехать. Время – деньги. Завтра в одиннадцать улетаем.

Мусалов счел необходимым откланяться. Пятясь задом к двери, сделал комплимент моей бордовой спортивной сумке, которую я считала крайне неудачным приобретением.

А все из-за безумной синей красавицы, в обнаженном виде возлежащей на синей же траве на протяжении всего «фасада». Покупала ее в спешке и в собранном состоянии, за что и расплачиваюсь, привлекая пристальное внимание посторонних. В порядке очередности: сначала к ней, а следом и ко мне. Увы, нормальную сумку увез Дмитрий Константинович. Утешало только то, что точно такой же «шедевр» и тоже в спешке отхватила и Кэтька. Цвет понравился.

Тимур хотел еще что-то сказать, но проснулся его мобильник. Вести переговоры он предпочел на улице. Вернулся к тому же, от чего и ушел, причем еще более решительный. А мы даже с места не сдвинулись, осмысливая новости. И тогда он подал пример поспешных сборов.

– Ир, похоже, мы попали... – подвела итог Наташка. – Не буду говорить, куда именно, чтобы тебя не травмировать. Как-то неуютно в этой кампании отъявленных шутников. От их обоюдных шуточек плакать хочется!

2

Несмотря на попутный ветер, обратный путь до вокзала коротким не показался. Машина отчаянно юлила, намереваясь ткнуться в наиболее подходящее место, где можно окончательно заглохнуть. Несколько раз приходилось вылезать и силовым методом наставлять упрямое транспортное средство на путь истинный. При этом я каждый раз жалела сидевшую в машине Кэт. С травмированной ногой и на лыжные трассы Норвегии! Все-таки ее стоматолог – отъявленный эгоист.

Билеты на тот же самый фирменный поезд, на каком приехали утром, мы с Натальей приобрели без труда и, как показалось, очень удачно. Начать с того, что не опоздали. Отправление намечалось в половине девятого, а в начале седьмого мы благополучно добрались до станции. Затем кассирша с сожалением поведала, что свободных плацкартных мест нет, только купейные, чему мы несказанно обрадовались. Ну и в-третьих, нам надлежало разместиться в разных вагонах: мы с Наташкой – в шестом, а Тимур и его команда – Кэт, согласно заранее приобретенным билетам, – в восьмом. Просто замечательно! Правда, наше купе значилось первым, но ведь не последним. Между нами и туалетным отсеком проживала проводница, а она взяла, да и закрыла его. Нам эта изоляция нравилась со всех сторон. Была охота ощущать себя в тесной компании друзей лишними. Повезло, что Тимур позаботился об обратных билетах себе и Кэтке заранее. Имелось подозрение, что мы с ним рассуждали одинаково.

В течение часа после отправления поезда мы с подругой тешились одиночеством. Ужасно хотелось спать, а посему, с мыслями о разгрузочном вечере и улеглись на своих нижних полках, подложив под подушки свернутые куртки. Спустя какое-то время, сонную тишину купе нарушил звук открываемого дверного замка. Наташка тихонько ругнулась. Чуть приоткрыв глаза, я увидела, как на пороге купе возникла попутчица с большой клетчатой сумкой. Совершенно не хотелось приветствовать ее появление, вдруг окажется очень общительной, да к тому же соберется поужинать. Короче, мы сделали вид, что спим.

Намеренно посапывая, я сквозь «зашторенные» ресницы осторожно наблюдала за действиями дамы. Высокая, под метр восемьдесят фигура в демисезонном пальто, с замотанным на голове платком повела себя странно. Долго стояла, непонятно к чему прислушиваясь. Затем, не раздеваясь, присела на свободный краешек моей временной кровати и снова прислушалась. Я тихонько завозилась, бессловесно выражая свое неудовольствие.

– Если вы решили, что мы уступим вам одно из нижних мест, то зря, – скрипуче пробормотала, словно во сне, Наташка, и попутчица испуганно вскочила. Не отвечая, она метнула вверх свою сумку и я решила, что рука у нее совсем не женская. Дальше эта особа повела себя еще более странно: не раздеваясь и не снимая обуви, ловко вознеслась вверх на заранее приготовленную проводницей постель. Маневр, посильный тетушке-десантнице. Но морочить себе голову по поводу хорошей физической подготовки женщины я не стала. Каждый сходит с ума по-своему. Тем более что женщина сразу накрылась одеялом с головой и затихла.

Среди ночи меня разбудил какой-то шорох, но, памятуя о неприятной попутчице, я решила, что поворачиваться с живота на спину и открывать глаза не стоит. Женщина, больше похожая на мужчину, возможно, собралась выходить или просто позавтракать. Дверь купе открывалась по меньшей мере дважды, вырывая меня из сонного состояния. А в начале шестого Наташка сыграла принудительную побудку. Состав вышел на финишную прямую. Мне отчаянно не хотелось просыпаться. Не открывая глаз, я упрямо настаивала на том, что поезд прибывает в столицу только в половине седьмого, очереди в туалет не предвидится –

вагон полупустой, еще полчаса на сон нам не помешают. Но разве Наташку переубедишь? Наверняка решила отомстить подсадной тетушке за ночное вселение, не дав нам выспаться.

Зевнув и потянувшись, я рывком села, сбрасывая с себя сонное наваждение. Протерев глаза, с удовольствием отметила отсутствие на верхней полке попутчицы и с неудовольствием – наличие там же ее пухового платка. Спрашивается, чего мы обе на нее взелись?

Совершенно не волнуясь за свои вещи в купе, мы долго торчали в закутке вагона рядом с мусорным ящиком, отмечая эгоизм некоторых пассажиров, возмнивших, что находятся в родном доме. Зря старались, «некоторые пассажиры» не торопились выскакать из туалета с извинениями. Именно поэтому мы и решили навестись в соседний – седьмой вагон. Весьма опрометчивое решение. Но мы же не ясновидящие. Помнится, легко открыли дверь в тамбур, на этом и застопорились, ибо сразу в глаза бросилось женское демисезонное пальто: старое, темно-серое из буклированной ткани. Оно прикрывало тело мужчины. С головой. На зимние сапоги на поджатых к животу ногах его не хватило. Тело безвольно подрагивало в такт движению поезда...

Какое-то время ушло на то, чтобы начать соображать, после чего мы сразу решили, что ничего не видели. Как открыли, так и закрыли дверь, торопливо протерев ручку полотенцем. Не хотелось считаться первооткрывателями.

Ситуация требовала немедленного обсуждения. Вернувшись в закуток, меблированный мусорным ящиком, вынужденно притормозили, решив очередной раз выразить посетителю туалета свое недовольство. Вроде как все еще торчим, не сходя с места, и надеемся, что его совесть проснется раньше, чем он сам. Ожидание успехом не увенчалось.

К нашему деланно возмущенному ропоту присоединилась дама, торчавшая в проходе. Дождаться своей очереди она не стала. Мы с готовностью посторонились, приветствуя ее намерение проследовать в соседний вагон. Не ведала, куда летела. Отчаянно визжа, дама тут же вернулась, требуя у проводницы освободить тамбур от заснувшего там пьяного безбилетника-бомжа. В кабинку туалета, неожиданно оказавшуюся свободной, мы с Наташкой влетели вместе.

Позднее проводницу, то и дело чихавшую и кашлявшую, почему-то больше всего расстроил тот факт, что пальто не хватило на ноги покойнику. Стоя в проходе вместе с соседями по вагону, мы ее активно утешали. Подробностей убийства никто не знал, из уст в уста передавались диаметрально противоположные слухи и версии.

Всех нормальных пассажиров давно уже закружила московская круговерть. В том числе и из соседнего седьмого вагона. Некоторые наверняка уже добрались до дома, а мы с Наташкой по-прежнему сидели в своем купе, ожидая, когда до нас дойдет очередь для ответа на стандартные вопросы следователя. С Катериной простились по мобильнику, пожелав ей напоследок побережь в Норвегии и вторую, здоровую, ногу. Причем Наташка озвучила это пожелание весьма зловещим тоном. Получалось, что здоровая нога нужна Кэтьке исключительно для успешного возвращения в столицу. Главное – снова увидеться с нами. Нам бы только ей в глаза посмотреть. Кэтька не возразила, Наташка просто не предоставила ей такой возможности. Я подругу не осуждала, но сочла необходимым напомнить, что безумное бегство от Кэтькиных проблем к своим транзитом через деревню Сидоровку – ее идея. Пара секунд, затраченных Наташкой на обдумывание ответа, позволила Кэтьке обратиться с просьбой не потерять ключи от ее квартиры. Иначе цветочный оазис засохнет. И желательно закрыть глаза на очень легкий бардак у нее – будущий результат сверхсрочных сборов.

– Еще скажи, что именно я в тамбур труп мужика уложила, – разозлилась на меня Наташка, отключаясь от связи с Катериной. Прямо заиклилась на выяснении со мной отношений.

– Не скажу. Ты бы его правильно укрыла. По принципу: держи голову в холоде, а ноги в тепле. А у него...

И тут меня осенило. Да так, что я умолкла и со страхом взглянула на верхнюю полку. Серый пуховый платок, совсем недавно валявшийся на верхней полке, в настоящее время отсутствовал, о чем я Наташке, не открывая рта, и поведала, тыкая указательным пальцем в том направлении, где ему следовало бы отлеживаться.

Наташка поняла мой жест по-своему:

– Ну и что? Считаешь, что ночная мужебаба должна была за собой белье убрать и матрас свернуть?

– Нет, – переведа взгляд на изогнутые возмущением брови подруги, ответила я. – Достаточно того, что она забрал... он забрала свой платок. Посмертно...

– Не поняла... – честно призналась подруга, меняя гневное выражение лица на испуганное.

– Я тоже, – прошелестела я, каменея от страха.

Зато отличился сообразительностью оперативник, рывком открывший дверь в наше купе. Сбитый с толку выражением ужаса, застывшего на наших приятных лицах, он быстро окинул взглядом тесное пространство и отпрыгнул назад, на лету выхватив откуда-то из-под пиджака оружие. Как фокусник. Только при этом хорошо поставленным голосом проорал невидимому противнику требование о немедленной сдаче.

Мы с Наташкой разлетелись по обе стороны купе, уселись и на всякий случай подняли руки вверх. Помнится, я желала только одного: чтобы невидимый противник как-нибудь материализовался из ничего и добровольно сдался. Бывают же чудеса на свете.

Тем временем к нашему нападающему подбежала группа поддержки во главе с очень нервным и циничным следователем Туляковым, из другого конца вагона послышался женский визг и нервные мужские голоса, сообщившие, что идет операция по задержанию убийцы...

К слову сказать, до конца этого кошмарного дня у меня сохранялась стойкая тенденция на любое ко мне обращение вскидывать руки вверх. Раздражение на команду оперативников, заставивших пережить дополнительные крайне неприятные минуты, оказалось столь сильным, что мы с Наташкой, не сговариваясь, талдычили одно и то же: ничего и никого не видели, не слышали, всю ночь спали.

А свой явный испуг объяснили неожиданным вторжением сотрудника милиции. Не зря раньше милиционерами детей пугали, выглядел он, как форменный убийца. Был бы в привычном глазу гражданском обмундировании, возможно, до такой степени не перепугались бы.

Измученные «полноценным» отдыхом, мы с Наташкой мечтали скорее добраться до дома и смыть с себя весь негатив безумной поездки во спасение Кэтькиного душевного здоровья. Надо отдать должное ребятам – помогли нам выйти из вагона с сумками. Про свои вещи мы забыли.

А после того как собрались ловить такси прямо на перроне Павелецкого вокзала, причем, до деревни с названием «где-то под Тамбовом», они указали нам правильное направление поиска транспортного средства. Даже любезно сообщили, что мы в столице, а заодно и напомнили наш московский адрес. Не надеясь на усвоение нами полученных знаний, без очереди посадили нас на такси, уговорив водителя не поддаваться на провокационные поправки маршрута в сторону Тамбова. Не уверена, что таксист не проникся уверенностью, что наше с Наташкой место – дурдом. Всю дорогу он напряженно молчал, заговорил только после того, как мы с ним рассчитались и вылезли из машины. И то, не с нами, а с ней. Она у него неожиданно заглохла. Таксист почему-то был уверен, что техника сдурела, набравшись

от нас передового в этом деле опыта. Мы посчитали ниже своего достоинства с ним спорить. Наташка просто потребовала сдачу в размере десяти рублей. За вредность.

Я проспала до часу дня. Могла бы и больше, да, к счастью, разбудила Наташка, открывшая входную дверь своими ключами. Если бы не разбудила, мне бы не удалось скрыться от приснившегося незнакомца из тамбура. Несмотря на мой истеричный совет держать голову в холоде, он с накинутым на голову пальто гонялся за мной по всему составу, несущемуся с огромной скоростью неизвестно куда. При этом требовал вернуть ему пуховый платок – память о его покойной бабушке. Громкий Наташкин вопрос: «Ир, спишь, что ли?» – застал меня в ловушке, в которую превратилось наше купе. Как меня угораздило туда скрыться, уму непостижимо. Знала же, что закрытые двери для бывшего попутчика уже не преграда...

Я вернулась в реальность, с трудом вживаясь в то, что гонки с преследованием по пустым вагонам – просто дурной слон. Но полного облегчения не испытала, так как не могла избавиться от нехороших предчувствий. Поэтому и не ответила подруге.

– Ты что, только глаза продрала? – удивилась Наташка, своим видом демонстрирующая полный аншлаг положительных эмоций. Надо полагать, выспалась со всеми удобствами – в собственной кровати, не летящей впереди паровоза. – Ириша, не вижу радости в глазах. Почувствуй разницу: насколько лучше дома, чем в гостях.

Вольным стилем подруга прошла к окну и откинула занавески.

– «Зима! Крестьянин торжествуя...» Впрочем, с чего бы ему торжествовать, направляясь на несанкционированную вырубку леса? Вдруг поймают? Это у нас здесь центральное отопление. Ты сумку разобрала?

Я сослалась на отсутствие подходящего настроения. Надо для начала позвонить Димке и доложить, что мы на месте.

– Еще чего! Он все равно со злости вне зоны доступа. Надо отдыхать друг от друга. Пусть ребята проникнутся своей заброшенностью и одиночеством. К моменту возвращения спесь с них сойдет, вот и порадуем мужиков своим сверхсрочным прибытием. Вроде как тоже жить без них не можем. Ир, да что с тобой такое?

– Ничего. Считаю, что тебе обзавидовалась. – Я поймала себя на том, что начинаю улыбаться. – Вторая серия кошмара. Убиенный попутчик во сне явился, требовал вернуть ему платок, который он, уходя на смерть, забыл в купе.

– Ну так и отдала бы. Зачем тебе чужой и почти лысый платок? Даже в состоянии сна надо уметь координировать свое поведение при грабеже.

– И ты туда же! Я платок не брала.

– А мы сейчас это проверим. В следующий раз покойный вымогатель приснится, возьмешь меня в свидетели. Где твоя сумка? Надо заодно и кувшин вытащить.

– В холле у кресла. Я пока чайник включу...

Времени на чайник мне хватило. Успела даже зевнуть, потянуться и заглянуть в холодильник, когда из холла раздался тревожный Наташкин голос:

– Не поняла...

– Повторяешься, – машинально отметила я вслух, решив, что мы с ней перепутали сумки и она своеобразно радуется внезапному свиданию со своими шмотками. Правда, утром в купе Наталья «не поняла» нечто другое – мое объяснение по поводу исчезновения с полки платка попутчика.

С ироничной усмешкой я вернулась в холл и ошалело уставилась на то, что держала в руках подруга. Небольшой сверток – сантиметров сорок. В моих вещах ярко-малинового махрового полотенца точно не имелось. Не мой цвет. Слишком вызывающий.

– У меня полотенце персиковое, – на всякий случай напомнила я Наташке.

– А то я не знаю. Ты мне такое же дарила. Вечно навязываешь свои вкусы. Впрочем, оно хорошо гармонирует с цветом моих тапочек. Разворачивать? Тяжелая фигня. – Подруга взвесила сверток на вытянутой руке.

– Подожди... Не надо пока разворачивать, дай подумать... А если там орудие убийства мужика из тамбура?

– Тогда на нем должны быть следы удара. Кровавые.

– Логично было бы «ударнику» его выкинуть. Зачем мне-то подкладывать?

– Может, убийца задействовал тебя как средство для переноски тяжестей? Маршрут простой: вокзал – квартира – помойка.

– Думай, что говоришь! К чему убийце такие сложности? Минуть туалет и мусорный ящик... В конце концов, мог использовать сам тамбур. Тащиться с этой штуковиной в другой конец вагона, чтобы подкинуть ее Ирине Александровне Ефимовой! Невероятная глупость.

– Ты что, ему официально представилась?

– С чего ты взяла?

– Тогда не болтай лишнего. Не Ирине Александровне Ефимовой, а просто бабе из первого купе. Хотя... Ты права. Баба из первого купе убийце на фиг не нужна. Ой, у меня мобильник запел. На, ответь, что я во временном отстое, а то на нервной почве не своим голосом заговорю.

– Отвечу... Я только не пойму, кто был нашим ночным попутчиком – убийца или жертва?

– Ирка, мобильник! Я отзываться не буду. Вдруг это один из них? Нечего было с вечера сумку из-под сиденья вытягивать. А если уж вытянула, следовало убрать назад, а не бросать под столик. Мобильник!!!

Мне очень не хотелось отвечать на звонок. Конец номера был незнакомым. Я осторожно алекнула и облегченно перевела дух – Кэтька. Воспользовалась телефоном своего стоматолога. От передозировки счастья наша девушка искрила во все стороны. Радостно сетовала на судьбу несчастного бомжа, нашу с Наташкой невезуху, выразила надежду на общую плохую память (забыть и не вспоминать эту поездку), а в самом конце припасла извинения за свою «растрепанность». Кое-чего из своих вещей не досчиталась в сумке. Выяснила сие обстоятельство при полном таможенном досмотре. Дурь несусветная – подозревать ее и Тимурчика в контрабанде. Если в наших шмотках обнаружится лишнее – просьба не выкидывать. Вернется – заберет.

– Малиновое махровое полотенце, – подсказала я.

– Возможно, что и оно тоже. Только оно всегда было фисташковым... Или все-таки серо-буро-малиновым? Не помню. Не исключено, что в него по ошибке завернуты новые тапочки, которые, как ошибочно считала, прихватила с собой. Главное, берегите тапочки! Я Тимура заверила, что пихнула пакет с ними и его «Медицинским вестником» на самое дно сумки. Ну все, девчонки, отключаюсь, скоро объявят посадку.

– Так у вас же вылет в одиннадцать...

– В одиннадцать началась регистрация. Пакет с тапочками берегите. Ир, извини...

Кажется, мобильник у Кэтьки принудительно изъяли.

Я даже не успела пожелать ей удачного полета.

3

Статуэтка была бронзовой, с налетом патины, кое-где отмечались трещинки лака, чему я несказанно удивилась. В голову не приходило, что бронзовые изделия лакируют. Но, слава богу, никаких следов крови! И это радовало. Фигурка женщины с точеным лицом поражала своим изяществом. На ней была только прелестная диадема или венец на голове.

– Это не тапочки! – уверенно заявила Наташка. – Это само совершенство, только у него, на мой взгляд, ноги полноваты. И это ж надо, так изогнуться! Ир, тебе до нее далеко.

– Еще бы. Она из античного мира. А я... Я, можно сказать, недавно с вокзала, причем одетая по всей форме, включая нижнее белье.

– Я не об этом. Интересно, какой диеты мадам придерживалась?

– Амбра, нектар... Не знаю, чем они там на Олимпе питаются. У них наверняка спецснабжение.

Я осторожно уложила статуэтку на малиновое полотенце, расстеленное Наташкой на кресле.

– Ир, а ты случайно не знаешь, как ее зовут?

– Какой-нибудь Венерой. Их много было, и все разные. Или Юноной.

– Не-е-е... Юнона должна опираться на Авось, а эта девица... Ирка, откуда она взялась?

– Похоже, реинкарнация. В прошлой жизни ею были нынешние Кэтькины тапочки. Один сдвиг по фазе, и материализовались в другой ипостаси. Стали красавицей.

В бронзе. А сами откинулись тапками в античный период. Прямо на Олимп. Природа не терпит пустоты. Едва ли мы сейчас сможем расстроить Кэт, стоматолог отключил телефон. Одно из требований безопасности полета. Ну и пусть себе летят, летят, летят.

Наташка подумала и решила, что нам вообще не стоит расстраивать Катерину. Если даже у стоматолога имеется роуминг, звонок в Норвегию влетит мне в копейку, которая, как известно, рубль бережет.

Опустошить сумку до конца Наталья сумела быстро. Ничего постороннего больше не нашлось, удивило, что отсутствовал в ней презентованный мне глиняный кувшин. Может, тоже канул в вечность? Как довесок к Кэтькиным тапочкам. Такая жалость! Я сразу решила, что всю жизнь только и мечтала о том, чтобы украсить подобным шедевром свою кухню. Не важно, в квартире или на даче. Мои переживания всерьез обеспокоили Наташку. Подруга предположила, что кулёма Кэтька в полном смятении чувств вполне могла сунуть мой кувшин к себе. А вдруг в пути между ее и моим кувшином начались серьезные разногласия и они разнесли друг друга в пух и прах.

На счастье, Наталья сумка отличилась недоступностью для посторонних. Уложенные в нее вещи сохраняли установленный хозяйкой порядок. Я невольно позавидовала сохранности Наташкиного кувшина и решила, что позднее все-таки попробую дозвониться до Кэтьки, вдруг она и вправду впопыхах выложила мой подарок из сумки, а потом куда-нибудь сунула. Например, к себе.

– Интересно, откуда Катерина выкопала эту фигурку? – неожиданно спросила Наташка, едва мы вернулись назад в мою квартиру.

– Фигурку, ты хочешь сказать? Вернее, статуэтку, – поправила я и подругу, и себя, отметив, что вопрос достаточно интересный. Не похоже, чтобы Венера хранилась у Кэтькиной тети где-нибудь в сундуке. Тем более что ни одного сундука в доме мы не видели. И потом, сама тетя, бывшая сельская учительница, не могла не догадываться об определенной ценности фигурки...

– Тьфу, ты! – возмутилась я своему «попугайству».

– Вот именно! – согласилась Наташка. – И чего привязываешься к словам? Смысл вопроса ведь уловила, на нем и сосредоточься. Насколько мне известно, Катерина перевезла больную тетушку в Москву вместе с самым ценным: мизерной месячной пенсией, впоследствии переоформленной для получения по новому адресу, пачкой фотографий и сотней Почетных грамот. Спрашивается, почему тетушка не порекомендовала захватить фигуристку? Не гвозди же ею в деревне забивала.

– Потому что тетушка эту фигуристку и в глаза не видела, – мрачно сказала я. – И едва ли Катерина потащила ее из Москвы в деревню. Может, это Настина статуэтка? Зря не поинтересовались ее профессией. Вдруг она клепает свои авторские изделия не только из глины. Или коллекционирует чужие работы.

– Скорее всего, последнее... Если мне не изменяет память, ее сумасшедший муженек категорически требовал вернуть ему то, что она у него украла. А какой шмон он нам устроил! С другой стороны, зачем Анастасии оставлять украденную у мужа вещь в Кэтькином доме? Ее следовало бы надежно спрятать, чтобы никто не видел.

– Так она и спрятала. В чужом доме. А Кэтька случайно нашла и не заметила. Когда собиралась, глазела только на своего стоматолога. Не иначе как боялась, что его ветром сдует. Что ей стоило в ее ненормальном состоянии, отягощенном чувством вины за уничтоженные билеты, перепутать тапочки со статуэткой? Я ее понимаю. Она и здоровенный газовый баллон запросто могла запеленать в свое полотенце и не заметить.

– А я бы заметила. И не разрешила бы Кэтьке запихнуть в твою сумку газовый баллон. Но, честно говоря, эта «фигуристка» ничем не лучше газового баллона. Оба предмета – бомбы замедленного действия.

Мы переглянулись, и я торопливо завернула статуэтку в полотенце. Не знаю, о чем подумала Наташка, а мою голову посетило тревожное воспоминание: ночной полумрак в купе, осторожный шорох и шуршание в проходе между полками. И этот странный маскарад попутчика. Он имел смысл только в случае, если мужик от кого-то прятался. Бомж не стал бы приобретать билет в купе, он вообще бы не стал приобретать билет. Ряженный под попутчицу попутчик решил до выхода подстраховаться и сунул статуэтку в мою сумку, предварительно завернув ее в то, что первым в ней подвернулось – Кэтькино полотенце. Тапки вполне мог прихватить с собой. До первой урны. В таком случае планировал выходить в Москве, там и потребовать от нас возврата своей вещицы. В удобном месте. А слинял из купе заранее, поскольку почувствовал опасность. Просто намеревался обмануть своего противника, сделав вид, что выходит на последней перед Москвой станции. В конце концов надумал пожертвовать собственной сумкой, поэтому и статуэтку с собой не взял, и платок. Маскироваться далее ему не имело смысла, наоборот, следовало стать человеком узнаваемым, уверенным в отсутствии преследования. Пальто, скорее всего, тащил в руках. Рассчитывал быстренько вернуться в купе? И не вернулся. Остался в тамбуре.

С другой стороны, труп был накрыт пальто. Следовательно, наш инкогнито мог убить своего преследователя и прикрыть убитого. Далее: судя по отсутствию платка, в купе попутчик все-таки появился. Мы с Наташкой в это время торчали в другом конце вагона... Полная чушь! Вернуться в вагон за тем, чтобы прихватить старый платок и не забрать статуэтку? Это объяснимо только в том случае, если в купе наведалься не сам попутчик, а его противник, понятия не имеющий, где ее искать.

– А кто же тогда лежал в тамбуре?

– Тот, кому больше не повезло, – тихо ответила подруга.

– Надо бы уточнить у проводницы, куда все-таки ехал наш попутчик, – пробормотала я, потирая ладонями виски. – Почему о нем не заикнулись оперативники. Есть подозрения, что он...

– Не «он», а «она». Потому как был одет соответственно. Проводница вполне могла посадить эту «фальшивку» не по билету, а за отдельную плату. Вот и молчала.

А на фига нам уточнения?

– Баба – воровка, – тихо, но с нажимом в голосе заявила я. – Украла у нас Кэтькины раритетные тапки. Обнаружилось это только сейчас. Можем, конечно, обратиться в милицию, но для начала надо поговорить с проводницей, не вылетит ли она с работы за незаконную посадку подозрительных лиц. Вдруг женщина – единственная кормилица в семье.

Наташка нахмурилась и принялась отыскивать на своем свитерочке повод отказаться от поездки, уж очень усердно разглядывала вязку. Даже что-то стряхивала на мой ковер. В итоге предложила альтернативный вариант, которым я и сама собиралась шантажировать проводницу – мы обязаны обратиться в милицию. Я хмыкнула и промолчала. Через минуту подруга изменила решение, сообщив, что в милиции нам, пожалуй, делать нечего. Ну нет у нас правдоподобных объяснений нашей «забывчивости» по поводу некоторых деталей ночного видения, о которых намеренно умолчали. Примут визит за явку с повинной, еще и в убийстве обвинят.

Я выглянула в окно. За время нашего отсутствия ничего не изменилось. Все та же детская площадка, малышня, гуляющая под присмотром мамочек и бабушек, объединившихся в отдельные группы по интересам. Время от времени они наметанным глазом безошибочно определяли место временного залегания подопечных. То один кувыркнется в снег, то другой. Бродят, как пингвинята – вперевалку. Для разнообразия теряют свои лопатки и тут же с криком отнимают чужие.

– А, пожалуй, мы никуда не поедем, – с удовлетворением отметила я.

– Ну и правильно, – вздохнула с облегчением Наташка. – Давай мыслить логически: ты сказала, что бабистый мужик должен был ехать до Москвы, так? Так. Иначе зачем ему подкладывать нам свою «свинью»? Она ему самому была нужна. Можно сказать, больше жизни. Следовательно, забрал бы ее сразу или нашел время забрать позднее. У нас. Но не смог. Скажем, по техническим причинам. О других я уже просто не в состоянии думать. Получается, что эта «свинья» осела у нас капитально. Предлагаю такой вариант: надо выслушать мнение специалиста по поводу исторической ценности этой сви... статуэтки. Если ей цены нет, как подлинному раритету, сдадим ее... Нет, похоже, без милиции не обойтись. А если статуэтка бесценна по причине своей никчемности – глиняная лепота, окрашенная под медь, тогда сдадим находку в... милицию. Как-то без нее ничего не получается.

Наташка и сама удивилась своим выводам, но, тем не менее, упрямо подтвердила необходимость оценить статуэтку. Наспех перебрав в уме своих знакомых, быстро отсортировала тех, кто мог бы помочь в поисках специалиста. Остановилась на Лидии Максимовне из хозяйственного магазина. Далековато от антиквариата, но, по словам подруги, девиз магазина «в хозяйстве все пригодится» предполагает наличие широких связей с общественностью. Пожелав мне держать себя в руках (а мало ли что?), подруга трянула вытянутым рукавом свитера и скрылась.

Как накаркала! Определенный дар ясновидения у Наташки есть. Приобрела искусственным путем, слишком много свое «ясновидение» нахваливала, вот и заработала. В ближайшие минуты ее наказ стал трудновыполним. После пятого звонка какой-то ненормальной стало трудно держать себя в руках. Противным визгливым голосом идиотка требовала от меня как от директора магазина принять назад ее зимние сапожки, у них на второй неделе эксплуатации отклеилась подошва. Она по нарастающей пугала меня закрытием «моей лавочки». Все попытки объяснить, что она просто ошиблась номером, были заблокированы угрозой в самое ближайшее время пустить меня по миру. Босиком. На четвертый раз я, зверея, согласилась пойти по миру добровольно. Правда, в лаптях. Пятый звонок заставил меня отключить телефон. Пусть думает, что я воплотила свое решение в жизнь – уже в скитаниях.

Не успела взять себя в руки, как влетела Наташка, с порога рассыпаясь искрами возмущения. Как оказалось, подруга безуспешно пыталась мне прозвониться, чтобы выяснить, имеется ли на статуэтке клеймо мастера и, если имеется, то в каком именно месте. По «городу» было занято, мобильник вообще бастовал. В перерыве между обвинениями в излишней словоохотливости (сеансе одновременной болтовни по обоим каналам связи), она озадачила меня поисками клейма на статуэтке и машинально обследовала городской аппарат. Знает, что длительные телефонные разговоры – не мое хобби. Возведя глаза к потолку, с тяжким вздохом призвала Всевышнего полюбоваться на мою бестолковость, включила аппарат и поднесла трубку к уху проверить наличие сигнала.

Не зря сказано, что «сверху видно все». И «там» меня своеобразным образом оправдывали. Не сходя с места, Наташка получила по полной программе. Моя телефонная террористка с надрывом и очень подробно поведала Наталье Николаевне, что ее ожидает в самое ближайшее время. Говоря цензурным языком, ранняя дорога в далекое прошлое – к динозаврам, откуда она, собственно говоря, незаконно и вселилась в столицу. Без регистрации. Не давая Наташке опомниться, телефонная террористка выдвинула дополнительное требование: возместить ей моральный ущерб в размере ста тысяч рублей.

– Дура, что ли? – ошалело поинтересовалась в трубку Наташка, глаза при этом на меня.

Я пожала плечами, к тому моменту окончательно убедившись, что никакого клейма на статуэтке не имеется.

– Ирина Александровна, записывайте данные! Номер запеленгован. Пробейте адрес и пошлите туда ребят, – рявкнула подруга так, что я слегка присела. Столько лет рядом, а все никак не могу привыкнуть к ее громовым раскатам. – В случае чего, они знают, что делать, – проворковала она совершенно в другой тональности. Странное дело – собеседница молчала. – «Позвони мне, позвони...» – с чувством пропела Наташка и повесила трубку. – Ну, где заклеямили нашу Венеру?

– Нигде... – проронила я, с опаской косясь на телефон.

– Ясно. Меня предупредили, что такое возможно.

А почему твой мобильник не отзывается?

– Не знаю...

– Где ты его последний раз видела?

– Сейчас подумаю... На столике в купе! По нему время подъема отслеживала.

Я мигом бросила статуэтку на диван и кинулась к сумке. Перерыв немногочисленные вещи, поняла, что мобильника среди них нет. С тем же результатом обследовала карманы куртки.

– Фига себе! – озадачилась Наташка, следуя за мной проторенным путем поиска. – Ир, кажется, твой телефон прямо в поезде принудительно обменяли на статуэтку. И в то время, когда я недавно пыталась прозвониться тебе, похититель кому-то названивал. Было занято.

– Мне и еще кое-что кажется, – расстроено пожаловалась я. – Наш женоподобный попутчик, приняв участие в конкурсе на выживание, вполне мог остаться лидером. А забрать свою Венеру не получилось. Мы же не знаем всех обстоятельств. Этот вариант он тоже предусмотрел, поэтому и стащил мой мобильник. Телефон находился во внутреннем кармане сумки... до того как я его оттуда вытащила... Да! И положила на столик, чтобы следить за временем. И вспомни, какую неоценимую помощь мы получили от сотрудников оперативной группы. С момента выхода из вагона они не оставляли нас без внимания. Мужик просто не рискнул к нам подойти. Одна надежда на то, что мобильник скоро разрядится, отключится, а пин-кода вор не знает.

– Мама дорогая... А ты не допускаешь, что этот тип мог проследить нас до дома. Ой, у меня дверь открыта! Слушай, давай сматываться на строительство листратовской бани. Я как-то сразу поняла, зачем вышла замуж. Так хочется чувствовать себя защищенной...

– ...любимым человеком, – подсказала я, и подруга автоматически согласилась, проворчала, что брак с оперативно-следственной бригадой вообще-то в ее планы не входил, несмотря ни на какие обещания защиты.

В коридор выходили с превеликой осторожностью, предварительно убедившись через дверной глазок в его полной пустоте. А перед тем как сделать несколько шагов до Наташкиной квартиры, я закрыла свою дверь на все ключи. Уже в прихожей подруги меня осенила очередная умная мысль: если попугчик-меняла видел проявление к нам особого внимания оперативников, он мог сделать вывод, что статуэтку мы обнаружили еще в вагоне. Что стоило, убирая в сумку пакетик с туалетными принадлежностями, порыться в вещах? А раз так, статуэтку у нас наверняка изъяли. А это какой-никакой... Честно говоря, просто «никакой», выдуманный залог нашей безопасности. Но он же этого не знает. В таком случае мы ему и даром не нужны. Пожалуй, паниковать не стоит.

4

Наташка сидела на моем диване, непринужденно опираясь на спинку и вольготно раскинув руки. Рассуждения подруги были спокойны и обстоятельны. Вещала она прописные истины: зачем нам держать голову в холоде, а ноги в тепле у электрического нагревателя на хорошо отапливаемой даче Листратова? Здесь, в квартире, и без него тепло. А ведь едва не поддались панике. Хорошо, что у нее врожденное стремление к «садизму», иными словами – потребности сесть, прежде чем подумать и принять какое-либо окончательное решение. И ничего, что после моих слов она, садясь вроде как на обувную тумбочку вешалки, промахнулась. На полу тоже ничего думается – оперативного простора больше. Именно оттуда она провела заключительные переговоры с какой-то Алисочкой, сообщив ей дополнительные сведения об отсутствии клейма на статуэтке и подтвердив время встречи через полтора часа.

Симпатичная молодая женщина с завораживающе спокойным голосом, позвонила о своем прибытии уже через час. Раздеваясь, от души радовалась, что дорога была свободна. От кофе и чая отказалась, сославшись на дефицит времени. И тут же, присев на краешек кресла, попросила показать статуэтку. Внимательно осмотрев ее со всех сторон, пожалела, что не является опытным экспертом в этой области, хотя предварительное заключение сделать может – кое-какие знания имеются, да и успела качественно проконсультироваться по этому вопросу.

Я немного оторопела, но Наташка, видя мою вытянувшуюся физиономию, пояснила, что Алисочка является ведущим менеджером в магазине, торгующем антиквариатом, ее консультация ровно ничего не стоит.

На сей раз вытянулась физиономия у самой Алисочки, она слегка зарделась и призадумалась над дальнейшими действиями.

– То есть как ничего не стоит? – Я никак не могла понять причину бестактности подруги.

– Да очень просто! – Моя непонятливость явно разозлила подругу, а выражение лица Алисы она просто не видела. – Благодаря Лидии Максимовне, Алисочка оказывает нам любезность – за свою консультацию не берет ни копейки. Знаешь, сколько стоит заключение эксперта?

Я отрицательно помотала головой.

– Не знаешь, а вмешиваешься! Самое малое – двенадцать тысяч. Есть у тебя ненужный тебе миллион?

С еще большим усердием я помотала головой и на всякий случай вслух сказала «нет».

– Ну вот, а ведешь себя так, как будто не знаешь, на что пустить эти денюжки.

Алиса осторожно кашлянула, намекая, что ее время – тоже деньги. Как по команде мы усталились на нее.

– Давайте ближе к делу. Я не могу ручаться, подлинник это или копия, сделанная в мастерской мастера, – тоном экскурсовода поведала девушка. – Статуэтка и в самом деле нуждается в экспертизе материала, состояния патины и лака...

– А как ее фамилия, имя, отчество? В смысле, как даму зовут? – указав подбородком на статуэтку, спросила притихшая Наталья.

Алиса улыбнулась:

– Зовут ее «Венера Урания» или «Небесная Венера». Урожденная Джамболонья. Я имею в виду фамилию мастера, в свое время создавшего шедевр.

– Джам... болонья? – оживилась Наташка. – Ир, помнишь бум семидесятых по поводу плащей «болонья»? Мне мама по блату сиреневый достала, я долго в нем выпендривалась – не было цветowych аналогов. Потом не было аналогов по заплатке на нем, здоровенный клочок

выдрала. Случайно за гвоздь зацепилась. Такое потрясение пережила, мама чуть всю душу из меня не вытрясла.

Алиса похлопала глазами:

– Вообще-то, «Джамболонья» – сокращенный вариант. Мастера звали Жан де Булонь или Джованни Болонья. И к плащам с одноименным названием он не имеет никакого отношения хотя бы потому, что, родившись в 1529 году, умер задолго до нашего столетия. Есть мнение, что он являлся учеником самого Микеланджело. Во всяком случае, в его творчестве чувствуется сильное влияние гения. Кстати, работы Джамболоньи считаются связующим звеном между произведениями Микеланджело и родоначальника стиля барокко Джованни Лоренцо Бернини. Тоже великолепного мастера. Но будет кощунством назвать Джамболонью простым подражателем, он создал свой собственный стиль – маньеризм. Посмотрите на то, как изогнута фигура Венеры...

– Да уж... – согласилась Наташка. – Вот так изогнешься, потом будешь долго выпрямляться и рассыплешься...

– Такое совершенное тело! Теплый оттенок бронзы. На мой взгляд, эта Венера – эталон изящества и элегантности, – не замечая комментария, восхищенно продолжала Алиса.

Я невольно подумала, что в ней погибает талантливый музейный экскурсовод.

– Обратите внимание на выражение ее лица, создается впечатление, что она живая, без слов общается с нами, рассказывая о себе. Вообще, во всех работах Джамболоньи чувства, выраженные в характере поз, буквально перехлестывают через край. Да то же «Похищение сабинянок» – все эмоции на пределе. Будете в Эрмитаже, обратите внимание на необычность «Париса». Темная бронза, золоченые волосы и посеребренные глаза...

– Вспомнила! Видели мы эту статуэтку. Ее просто невозможно не заметить. Только фамилия мастера сразу же вылетела из головы! – обрадовалась я и заочно «представила» Париса подруге: – Наталья, не тормози! Это сын короля Трои – Приама. Ему по воле Зевса выпала доля решить спор, разгоревшийся между тремя богинями: Герой, Афиной и Афродитой. Не могли определиться, кто из них прекраснее, а Зевс не хотел выступать арбитром. Зачем ему неприятности для себя лично? Каждая из двух проигравших обязательно послала бы судью на мыло. Вот и поручил судейство бедному Парису.

– Ну, села на своего «конька»! Такое впечатление, что утренней колесницей прибыла из древней Греции, а не на железном коне из Тамбова. И почему этот бронзовый с примесью драгметаллов Персей бедный? – удивилась Наташка.

Я мельком взглянула на Алису. Девушка осторожно поставила статуэтку на столик. Кажется, мы уклонились от темы, но замечания не последовало. Она с интересом слушала нашу легкую перепалку. Изобразив ногой на полу дугу и внимательно отследив свое действие, я скромно продолжила:

– Дело в том, что Парис – сын троянского царя Приама и Гекубы, еще не родившись, уже был приговорен к званию убийцы своего народа. Вещий сон матушке Гекубе приснился. А после рождения Персея какой-то ясновидящий, разгадав волю богов, подтвердил опасения. Папа Приам, ничтоже сумняшеся, мигом поручил своему главному пастуху избавиться от младенца. Благополучие народа прежде всего! Тот отнес младенца в горы и там оставил. Через пять дней появился с похоронной миссией, да так и обалдел. Младенец, которого, как оказалось, пригрела и усыновила медведица, во всю резвился на воле. Главный пастух, по совместительству незадачливый киллер, мигом подобрел, отнес ребенка домой и воспитывал вместе со своим сыном. Малыш вырос, стал красивым юношей и жил себе припеваючи. Само собой, обзавелся подружкой, нимфой Эноной. Вместе они пасли стадо, охотились и радовались жизни, пока Зевс не вмешался со своим приказом вручить яблочко с надписью «Прекраснейшей», так называемое «яблоко раздора», одной из трех божественных конкурсанток.

Сами понимаете, взятки – неотъемлемая часть развития и совершенствования человечества. Инициатива, разумеется, исходила «сверху». За первое место Гера пообещала Персею сделать его самым мужественным на земле, Афина посулила победу во всех битвах, а в дополнение – красоту и мудрость. Но Афродита перещегооляла всех. Ее обещание сразило Персея наповал. Без раздумий он отверг предложения двух первых конкурсанток и согласился на любовь самой красивой женщины на земле (не на Олимпе!) – Елены, жены спартанского царя Менелая. Афродита стала победительницей в споре, а две отставные претендентки – его злейшими божественными врагинями. Далее, если коротко, Афродита помогла Персею украсть Елену. Впрочем, та сама не возражала умыкнуться. Не забыла прихватить с собой много сокровищ и рабов, а взамен оставила обманутому мужу девятилетнюю дочь. Этим похищением Персей спровоцировал троянскую войну. Но на все воля Олимпа.

– Делать им на Олимпе было нечего! – в смятении отметила Наташка. – Ясен месяц, ни телевидения, ни компьютерной техники. Жаль, что с божественной верхушки не увольняли за издевательство над живыми греками. Вот в конце концов от безделья и погубили древнюю цивилизацию. И сами вымерли.

– Я бы посоветовала вам не держать эту статуэтку дома, – улыбнулась Алиса. – И, пожалуй, не стоит никому о ней рассказывать.

– Так едва ли это подлинник, – удивилась Наташка.

Алиса погасила улыбку.

– В 2005 году даже не сам подлинник, а только отливка, сделанная в мастерской Джамболоньи, была продана почти за пять миллионов долларов. Вообще-то творения мастера продолжали отливаться учениками и после его смерти, они достаточно широко распространены. Но, как видите, очень высоко ценятся. Ну а если это подлинник...

– Не надо! – твердо оборвала Наташка. – Лучше не думать о неприятных вещах – обязательно сбудутся. С меня достаточно того, что нам подложили, как говорите, отливку. Алиса, мы готовы заплатить вам за то, что вы к нам не приезжали и, разумеется, ничего нам не говорили.

– Не нужно меня обижать. Если надумаете продавать «Небесную Венеру», ничего самостоятельно не предпринимайте, сначала свяжитесь со мной.

– Не надумаем, – убежденно заявила подруга. – Кто она нам? Мы ее знать не знаем и знать не хотим.

В отличие от тапочек Катерины Михайловны. Тот факт, что они не тянут на пять миллионов долларов, придает им особую ценность. Ир, мы должны найти равноценную замену: раз тапкам «приделали ноги», сложимся и купим новые.

Сбитая с толку Алиса посмотрела на меня. Пришлось изобразить крайнюю степень изумления: надо же, как на подругу цифра в пять виртуальных миллионов подействовала!

– Наталья Николаевна заговаривается, – сказала я. – Но статуэтку мы действительно продавать не будем. Она к нам по ошибке попала. Подкинули вместо тапочек, которые мы обязательно купим. Хотя Кэтька сама во всем виновата.

Алиса решила не морочить себе голову догадками. Провела ладонью по лбу, словно стяхивая наваждение, и поспешила откланяться. Я закрыла за ней дверь на все замки и подперла ее спиной.

– Правильно, – одобрила мое поведение Наташка. – Подпольные миллионерши каждую секунду должны быть начеку. Главное, не знаешь, что с подкинутой бесценностью делать. Сдать в милицию? Ну сдадим, за временное сокрытие... ответим. Придумать ответ не проблема.

А вдруг хозяин статуэтки объявится и потребует ее возврата? Методом убеждения. Насильственным. А за самодеятельность... Мама дорогая! Ир, ты не знаешь, из милиции можно вернуть то, что туда попало? Или «что попало, то пропало»? В хорошем смысле...

блин, с плохим конечным результатом. Может, лучше подождать этого хозяина? Как думаешь, сорок дней хватит? Со дня его смерти... Время так быстро бежит, не заметим, как до пенсии досидимся. Представляешь, перспективу? Сидим себе спокойненько, дурью маемся от безделья, как на Олимпе, а нам государство еще за это деньги платит.

Наталья и дальше бы плела словесные тенета – когда волнуется, не остановишь, – да отвлекла мелодия мобильного, оживившая ее молчаливый карман. Осторожно вытянув аппарат наружу, подруга одним глазом посмотрела на номер абонента и зачем-то прикрыла его рукой. Маскировалась, что ли? Ан нет! Номер ей понравился, потому как она сразу сняла маскировку, поднесла трубку к уху и обиженно поинтересовалась:

– Кэтька? Ты что, решила не только своего стоматолога, но и меня разорить своей необдуманной мобильной связью? Норвегия не Подмосковье, а я... Что?!

Наташкин вопрос, заданный паническим тоном, заставил меня поднять руки вверх, а затем съехать по стенке вниз. Прямо на второй по счету коврик, об который у нас положено вытирать ноги, первый лежит с обратной стороны двери. Лично я им одним и пользуюсь, сын вообще не задерживается ни на том, ни на другом, дочь с мужем разубаваются сразу в коридоре, только муж старательно шаркает подошвами, поочередно задействуя оба.

Полноценного диалога с Кэтькой у Наташки не получалось. Сначала она ахала, затем экала, дакала и мычала, сосредоточенно наблюдая за моей упертой усидчивостью. Завидовала, наверное, не хотела снова ронять свое достоинство сорок восьмого размера на пол. Словом, смысла переговоров я не уловила. Но чисто интуитивно догадалась, что он затрагивает наши с Наташкой интересы. А так как они сосредоточились на стремлении немедленно и безвредно избавиться от многомиллионной опасности, заподозрила появление новых фактов в исторических приключениях «Небесной Венеры».

Закончив разговор непонятным «угу», подруга деловито нахмурилась, сунула мобильник в карман, поправила волосы и заявила, что в квартире невыносимая жарница с духотищей. В доказательство принялась расстегивать пуговицы своего шикарного халата, напяленного прямо на старенький свитерок. Забыв, что пуговиц и в помине нет, упорно искала их не меньше минуты. Пальцы так и бегали снизу вверх и обратно, словно по клавиатуре поставленного «на попа» пианино. Я неотрывно отслеживала их стремительный бег, невольно закрыв уши ладонями. Не от воображаемой какофонии музыкальных звуков, нет. Просто боялась услышать от Натальи какую-нибудь убойную новость.

– Я не могу обращаться к тебе свысока, – застопорившись пальцами в районе воротника, с третьей попытки выдавила подруга, и я поняла, что зря закрывала уши. Все равно ее слышно. – Ир, с высоты моего положения трудно общаться с поверженной особой. Так что либо вставай, либо подвинься.

– Места мало? – проворчала я, начиная поэтапный подъем. Кажется, все не так плохо. Наташка не заламывает руки и не вопит диким голосом от безысходности.

– Места много, – более уверенно ответила подруга. – Но нам следует общаться в более тесном кругу, а не из холла в коридор. Ты прямо как не у себя дома.

– А где? – не особо задумываясь, спросила я, размышляя, стоит ли снова искать опору.

– Так откуда ж я знаю, где тебя носит! Встала? Идем в комнату. Да что ты все руки вверх тянешь? Неплохие новости. Кэтьке повезло – вторую ногу подвернула. Боялась перелома, обошлось. На ровном месте грохнулась!

А стоматологу повезло меньше – сотрясение мозга. Кэтьку спасал от падения. Но тоже ничего страшного, оклемается. Были бы руки целы, не головой же он протезирует клиентуру. Мало ли среди стоматологов безголовых. Безрукие хуже.

– Когда ж они успели покалечиться?

– Хорошо организованные люди все успевают. Детали Кэтька на нервной почве путанно изложила. Прилетели в Осло, оттуда на такси в... Блин! Надо же, название забыла.

Да и фиг с ним. Поселились в частном пансионате. Вроде бы Кэтька понеслась в душ, Тимур пошел на обгон. Чего они там не поделили? Судя по результатам, победителей не было. Постепенно притираются друг к другу. Одно хорошо – теперь Катерина может не бояться горных лыж, до отлета на инвалидной коляске раскатывать будет. Вокруг кровати, на которой Тимур в себя приходит. Ну а в Москве ей лыжи без надобности. Ладно, все это послесловие. Теперь о главном. Она напрямую спросила, нашли ли мы ее тапки. Тридцать шестого размера с уклоном в тридцать пятый. Я, на всякий случай, не возразила, хотя у нее сильно уменьшенный ею тридцать восьмой. А тридцать пять сантиметров – рост нашей Венеры. Я сразу догадалась, что именно ее она имела в виду. Кэт велела мне с «тапок» глаз не спускать – подарок Тимура. Или не с тапок? Еще она что-то про его журнал плела. В любом случае, нам надлежит «пасти» все подкинутые ею вещи. До особого распоряжения.

– Ну вот и выяснилось... что все окончательно запуталось, – отрешенно заметила я. – Кэтьке бы шифровальщицей работать. Хорошо хоть претендент на обладание Венерой так быстро объявился. О как долбанулся – с ума по «тапкам» сходит! Слушай, может, они совсем не Кэтькины тапки, а Венерины башмачки? Я имею в виду не одноименное растение, а тот факт, что тапки ее размера. Целиком в них влезает.

5

Дискуссия затянулась. Мое предложение арендовать для Венеры банковскую ячейку Наталья неожиданно встретила в штыки. Зациклилась на Кэтькином требовании не спускать со статуэтки глаз и на полном серьезе уверяла, что в банковской ячейке обеспечить это невозможно – мы вдвоем в ней не поместимся. Мало того, предложила круглосуточное дежурство у шедевра. Посменно. Я даже выразила уверенность, что подруга заразилась вирусом безумия от сладкой парочки. По телефону. Либо тоже приложила где-то головой. Незаметно для себя. Нельзя же воспринимать Кэтькин наказ буквально. И, как типичный представитель российского народа, я наотрез отказалась в дарованные мне правительством зимние каникулы сидеть и неотрывно пялиться на античную бронзовую плоть. А что если она все-таки не зашифрованные Кэтькины «тапки»? Наташка наконец задумалась и неохотно согласилась, что пялиться на Венеру двадцать четыре часа в сутки не обязательно. Можно в перерывах запеленать Венеру в мягкую салфеточку и сунуть под мышку. Как градусник.

– Мой градусник измеряет температуру тела во рту! – заартачилась я.

– Как хочешь, – быстро согласилась подруга. – Если тебе так удобнее. Я сейчас плохо ориентируюсь в пространстве, но, по-моему, Венера в твой рот не влезет. Честно говоря, меня пугает то, что случилось с Кэтькой и Тимуром в Норвегии.

Не успела Наташка договорить, как зазвонил мой домашний телефон.

– Не отвечай! – испуганно шепнула Наташка. – Я еще не готова к бандитским требованиям о выдаче краденого.

Я решительно отмахнулась и взяла трубку. Надо же было как-то останавливать Натальины бредовые рассуждения.

По телефону мы со следователем Туляковым друг друга не узнали. Я слишком резко отозвалась, а он слишком ласково не поверил тому, что ответила ему именно Ирина Александровна Ефимова.

– Добро пожаловать во всероссийский сумасшедший дом, – приветствовала я саму себя, но вслух. Гласность все-таки.

Вежливый Туляков поблагодарил за приглашение и отказался, выразив желание увидеться с нами в своем кабинете. И чем скорей, тем лучше. Я, в свою очередь, тоже отказалась от его предложения. Наотрез. По причине личного характера. Эта причина отчаянно кривлялась, выражая негодование, и красноречиво вертела фигой перед моим носом. Намекала на то, что она на посту перед бронзовой победительницей олимпийских игр на звание «Прекраснейшей» и покидать свой пост не намерена. Что я бубнила на «два фронта», не помню.

– Тогда мы идем к вам, – обрадовался следователь, поняв мои путаные объяснения по своему и огорошив сочувственным: – «У каждого из нас в жизни свой крест».

Возражать против истины не стоило. Я окончательно растерялась и упустила момент, удобный для того, чтобы соврать нечто убедительное, благодаря чему в ближайшую неделю нас с Наташкой не будет дома. Впрочем, мне, в отличие от подруги, гладко соврать редко удается, несмотря на организованные Натальей Николавной индивидуальные курсы повышения моей квалификации. В отличницы я так и не выбилась – очень тупая. Но кое-что усвоила. Например, что врать по телефону надо до того, как собеседник отключится от связи...

У Тулякова имелось не только имя, но и отчество – Савелий Викторович. Его сопровождали еще два товарища, все в гражданском. Их «позывные» сразу же вылетели из головы. Что угораздило Тулякова сначала позвонить с лифтовой площадки не к нам, а в однокомнатную квартиру супругов Ворониных, не знаю. Наверное, отсутствие нюха – у следователя был насморк. Неужели проводница наградила? В итоге четвертой по счету личностью, пытавшейся протиснуться между двумя фигурными колоннами, мной и Наташкой, была соседка

Анастас Иванович. Ее намерения всегда понятны – результат бесперебойного просмотра мыльных опер. Стоя на страже чистоты и непорочности семейных отношений, наша гренадерша не могла не возмутиться фактом приема сомнительных гостей замужними женщинами во время отсутствия супругов. Но свое возмущение она тщательно маскировала необходимостью воспользоваться моим домашним телефоном. Свой у нее вроде как перегорел. И тут Туляков меня окончательно огорошил, предложив одному из сопровождающих утащить мой «крест» на кухню и чем-нибудь занять. Хотя бы тем же телефоном. При этом кивнул на Анастас Ивановича да еще посетовал на то, что «крест» такой неподъемный.

Искусственная доброжелательность на лице Анастас Ивановича мигом сменилась неподдельным негодованием. Она обозвала Тулякова сопливым нахалом, меня – доверчивой дурочкой и пообещала при первой возможности сдать на перевоспитание законному супругу, мизинца которого не стоит вся эта свора гостей из трех подозрительных мужиков. И, развернувшись, легко освободила себе путь к отступлению. Но отступала медленно, давая мне возможность окликнуть ее и вернуть. Я не окликнула. Потом как-нибудь разберемся. Если представлю гостей, как пришельцев из милиции, еще хуже будет.

– Так эта добродетельница не ваша мама и даже живет не с вами? – удивился Туляков, осторожно промокая платком нос.

– С нами, с нами, Салавель Викторович, – высунулась на первый план Наташка. – Мы соседствуем. А вы ее ни за что ни про что – крестом!

– Савелий я! Как Ирина Александровна объяснила мне по телефону свои «личные обстоятельства», так и понял, – огрызнулся следователь. – Вы, Ирина Александровна, сослались на невозможность явки ко мне, мотивируя это необходимостью присмотра за сумасшедшей родственницей.

– Да... – застеснялась я, начиная припоминать «всероссийский сумасшедший дом».

– Так это она меня имела в виду! – пришла на выручку Наташка, упрекнув следователя в плохом понимании моих слов. – Я с утра не могу успокоиться. Выплакала все слезы на десять лет вперед. – Она шмыгнула носом. – Теперь будет засуха.

– Не будет! – пообещал Туляков, очередной раз вытер нос платком и поинтересовался, где можно разместиться с элементарными удобствами.

Я покосилась на ванную комнату, на туалет, делая вид, что обдумываю вопрос, и предложила всем, не разуваясь, пройти в комнату. Кухню исключила сразу, поскольку в морозилке холодильника закалялась как сталь бронзовая Венера.

Не было сомнений, что у следствия появились новые обстоятельства, которые касаются меня и Натальи, но такого я никак не ожидала. Расположившись в кресле, Туляков открыл свой кейс и предъявил нам фотографию мужчины, при взгляде на которого стало ясно, он уже не жилец на этом свете. Искусный макияж «под жильца» сделан посмертно. Больше всего меня испугали глаза. Один был открыт полностью, второй... Второго не было. Вместо него – огромное и жуткое черное пятно.

– Кто это? – с ужасом прогудела над моим ухом Наташка и перекрестилась.

– Похож на вурдалака, – уверенно доложила я и посмотрела на следователя в ожидании подтверждения своей догадки. Нефотогеничный незнакомец наверняка покойник из тамбура.

– А вы его не узнаете? – равнодушно поинтересовался Туляков, успевая следить за нами обеими.

– Теперь будем узнавать, – еще раз перекрестилась Наташка. – В страшных снах.

Я с готовностью подтвердила слова подруги. Бывшего мужчину никогда не видели.

– Так и отметим в протоколе, – не меняя интонации, – заявил Туляков. – А эта штучка вам знакома?

Убрав фотографию, следователь достал из кейса полиэтиленовый пакетик, из которого вытряхнул на столик мой мобильник.

Моя радость была через край. Теперь не надо восстанавливать по крохам все сведения из телефонной записной книжки. Кроме того, в разделе сообщений имеется парочка великолепных рецептов для дачных заготовок. Но, к моему великому огорчению, Туляков ловко увел у меня из-под носа аппарат, сославшись на то, что он приобрел статус вещественного доказательства и получить его вот так сразу я не смогу.

– Так и отметим в протоколе, – оживившись, повторил он, выразительно взглянув на сопровождающих, игравших роль понятых. – Ефимова Ирина Александровна опознала мобильный телефонный аппарат в качестве принадлежащего лично ей. В таком случае, Ирина Александровна, как вы можете объяснить тот факт, что он найден в кармане убитого мужчины, обнаруженного в тамбуре?

А заодно...

Он намеренно долго копался в недрах своего кейса, действуя нам на нервы.

– Заодно и вот эта замечательная фотография.

Снимок и в самом деле был отличным. Выглядели мы с Наташкой, как две звезды, позирующие перед камерами в самом выгодном ракурсе. Правда, наличие двух билетов, которые демонстрировала Всевышнему счастливая Наташка, немного отдавало стоп-кадром из рекламного ролика. Этаким призыв гражданам для полного счастья пользоваться Российскими железными дорогами. А вот стоявший на заднем плане Тимур выглядел озабоченным. Да и Кэтька была какая-то неправдоподобно деловая. Создавалось впечатление, что они прикидывали, сколько денег может находиться в чужом бумажнике, который случайно попался им под ноги на выходе, и не привязана ли к нему веревочка.

– Салавельий Викторович, а можно мы оставим этот снимок себе? – застенчиво поинтересовалась Наташка. – Моему мужу ни разу не удавалось сфотографировать меня так, как я выгляжу на самом деле. Ир, тебя несколько приукрасили, но все равно – похожа. Наверное, такой тебя Ефимов и видит, раз до сих пор ревнует.

– Минуточку!

Туляков слегка хлопнул ладонью по стеклянной поверхности журнального столика, и я автоматически вскинула руки вверх. Говорю же, непроизвольная реакция на утренний инцидент. Двое понятых с ухмылкой переглянулись, но промолчали.

– Это лишнее! – рассердился следователь. – Здесь не театр. – (Можно подумать, я и не догадываюсь, что нахожусь в собственной квартире.) – Прошу пояснить, почему в карманах якобы неизвестного вам убитого мужчины найдена ваша фотография и мобильный телефон?

– Было бы хуже, если бы в наших карманах обнаружили мобильник и фотографию этого мужика! – взорвалась Наташка, огорченная обломом с получением снимка. – Странное решение: устанавливать личность погибшего преступника по нашим фотофизиономиям. Да мы его в первый раз видим! И в последний, – обернулась она ко мне за поддержкой.

Я тут же развела руки в стороны, мол, сочувствуем, но врать не будем. Труп за уши не притянешь ни к кому из наших знакомых. Даже случайно он не отмечен галочкой в памяти.

– Возможно убиенный был вором-маньяком, – разошлась Наташка. – Выудил из кармана растяпы Ефимовой мобильник, пока она торчала столбом в ожидании билета, а снимок сделал на память. Довольные лица двух ничего неподозревающих идиотов были призваны тешить на досуге его большое самолюбие.

– Возможно, – с готовностью согласился следователь и потребовал полного отчета о поездке: когда, куда, откуда, с кем и зачем ехали.

После нашей правдивой исповеди, у Салавелья Викторовича появилась масса дополнительных вопросов. Умолчали мы только о Венере. Раз она принадлежит Тимуру, пусть они с Катериной сами с ней разбираются. Достаточно и того, что у следователя возникло пред-

положение о наших фотогеничных лицах как досадной помехе фотографу. Просто ненужный фон. Фактически убитого интересовали именно Тимур с Катериной. Лично я пришла к такому выводу сразу, как только увидела снимок.

– Когда же убитый успел отпечатать фотографию? – спросила я у Наташки. Смотреть в глаза следователю не хотелось, хотя вопрос адресовался ему.

Ответили оба. Туляков скуп: «Успел!», Наташка пространно, со ссылкой на «мыльницу», выдающую моментальные снимки, качество которых, увы, оставляет желать лучшего. Наш оказался удачным только потому, что такие замечательные лица при всем желании невозможно испортить. А если фотографировавший пользовался цифровой камерой, то оперативники обнаружили ее в его карманах и распечатали уже позднее. Вот только зачем в таком случае врать нам о готовом снимке, найденном у вора?

Следователь сделал вид, что вопроса не слышал. Получив от Натальи номер мобильного телефона Тимура, Туляков повеселел, но в нашем присутствии звонить ему не стал. Заручившись автографами под протоколами, быстро откланялся, наказав нам не покидать в ближайшее время столичный регион.

Едва «бригада» ретировалась, Наталья позвонила сладкой парочке. Ответила Кэт. Поток красноречивой информации, который вылила на нее подруга, был столь сумбурным и мощным, что молчание абонента было оправданным. Тем более что выражений Наташка не выбирала. Не выбирала она их и по части преступного молчания Кэт, весьма агрессивно напоминая, что каждая секунда оплачивается. Хотя я на Кэтькином месте тоже бы не разговаривалась. Ну что можно ответить на вопрос: «За что Тимур пришел мужика в тамбуре?» Под конец Наталья сделала окончательный вывод: ни одна Венера не стоит человеческой жизни. Вот тут Кэтька и ожила:

– У Тимура есть любовница Венера? Чушь собачья! Этого не может быть, поскольку никакого мужика он к тамбуру не пришивал.

Настал черед онеметь Наташке. А Кэтька соловьем разливалась, советуя Наташке то ли выпасться, то ли проспасться. Пришлось взять продолжение разговора в свои руки. Вместе с мобильником.

– Катерина, умолкни! Рекламная компания Тимуру завершилась. Жди звонка следователя. Учти, мы ничего не сказали о Венере, которую ты сунула мне в сумку.

Кэтька разошлась не на шутку:

– Да что вы там обе, рехнулись?! Я подкинула тебе любовницу Тимура, которой у него нет?! И при чем тут какой-то следователь?

Меня обдало волной жара.

– А что ты бездумно пихнула перед отъездом в мою сумку? – рявкнула я, перебивая поток нелестных отзывов в свой адрес.

– Тапки! Пакет с тапками, понятно?! На пакете лохматый лев с разинутой пастью. Зубную пасту рекламирует. Я их в этот пакет сунула, не вынув из него журнал. Тимур сам мои вещи утрамбовывал, а я косметичку потеряла, пришлось все перерывать и заново укладывать. Соответственно, все не вмещалось. Кстати, косметичка потом под столом нашлась. Тут как раз Тимур вернулся, сумку схватил и, напомнив мне, что молнию положено закрывать, потащил ее в машину. В какой момент пакет с журналом и тапками попал в твою сумку, не помню, не о том думала. Зачем они мне на норвежской лыжне? Надеюсь, вы их не потеряли? Тимур уверен, что тапки при мне и надежно спрятаны в вещах. Просто в моем состоянии они – лишняя роскошь. Все время порывается на них полюбоваться. Как могу, отвлекаю. Тапки точно у вас?

– Не знаю... – слегка охрипнув от предыдущего надрыва, пролепетала я. – Наверное, так и лежат в пакете с журналом. Мы вещи еще не разбирали.

– Где тапки?! – продолжала орать Кэтька. – Они залог нашей семейной жизни. А еще журнал. Там у Тимура очень важные статьи! Короче, немедленно разберите вещи! Вопрос жизни и смерти... Успокойся, Тимочка, я и не заметила, как ты вошел. Тебе нельзя волноваться, да и нет повода, все в порядке.

– Все в порядке! – отозвалась я слишком нервно для эха. Разумеется, Тимуру нельзя волноваться. А мне можно. Так сказать, большая проблема с больной головы на здоровую... – Катерина, слушай меня внимательно и не перебивай. Ты знаешь, что в нашем поезде произошло ЧП – убили какого-то мужика. В его кармане обнаружили фотографию, на которой запечатлены мы с вами. У вас есть пара минут, чтобы придумать ответ на вопрос следователя – почему. Мы уже ответили чистую правду: не знаем. Не хочется думать о вас плохо, но думается. Кажется, вы нас подставили.

Вместо Кэтьки ответил Тимур. Теперь уже он убеждал меня, что все в порядке. Главное, тапки и журнал целы. В отличие от мужчины. Как только полегчает, они с Катериной немедленно вернутся в Москву. Отдых явно «удался».

Чувствовалось, что речь дается ему с трудом, и я постаралась быстренько прервать разговор на положительной ноте, пожелав сладкой парочке счастливого пути домой.

6

– Ну кто тебя просил сочинять небылицу? – в третий раз спрашивала меня Наташка, всплескивая руками после каждого слова. И тут же выдавала свои однобокие версии ответа. Как ни крути, получалось, что язык мой – враг наш, и вовсе не язык, а помело.

– Я только предположила, что журнал по-прежнему может быть вместе с тапками в пакете, – наконец удалось мне пробиться через частокол Наташкиных обвинений.

– Надо было не предполагать, а честно сказать, что ничего подобного в сумке не нашлось. Ни с тапками, ни без. Кэт и Тимур до момента возвращения имели бы время свыкнуться с этой неприятностью. Самое главное, нас-то при этом рядышком с ними не было. Ударная волна гнева долго не держится. По возвращении выплеснули бы пару ведер словесных помоев, мы бы сделали вид, что обиделись. Пара месяцев размолвки – вот тебе и решение вопроса. В общем, теперь сама выпутывайся. Одна надежда – при встрече голова Тимура не выдержит нового потрясения. Угробит стоматолог либо нас, либо Кэтью, либо сам скопытится.

– Лучше сам. Нечего разбрасывать все свои вещи где попало.

– Вот так ему и скажешь при встрече! Блин, со всех сторон неприятности! Ирка, твоя сумка – настоящий контейнер для мусора. Тебе пора таскать ее на шее прямо перед собой, чтобы самой отслеживать, что в нее норовят запихнуть.

– Бронзовый «мусор» на миллионы тянет! А тапки с журналом, судя по Кэтькиной истерике, вообще дороже жизни, – запальчиво заявила я и тут же осеклась. Бросив короткий взгляд на часы, отметила время и известила Наташку, что до отхода тамбовского поезда осталось чуть больше часа. Подруга поняла все, как надо.

К тому моменту, когда мы, запыхавшись, подлетели к шестому вагону, это время исчислялось пятью минутами. Не следовало нам опрометчиво ловиться на удочку частного извоза. Пробок на дороге хватало, водитель все время норовил их избежать, выискивая пути объезда проблемных мест. И никак не хотел мириться с тем, что не один он такой умный. Основную часть времени ехали с бешеной скоростью телеги, в которую по ошибке впрягли пьяного возчика. У станции ближайшего метро не выдержали и, рассчитавшись с водителем, покатили подземным транспортом.

У вагона ждал очередной облом. Вместо знакомой проводницы на платформе притоптывал ногами усатый молодой человек в форменной одежде. Наш стремительный налет мигом пресек его топотушки, он автоматически потребовал билеты.

– Мы ехали сюда с другим проводником, женщиной, – притормаживая мной у поручня, сказала Наташка.

Проводник вскочил в вагон и хмуро предложил нам сдать билеты в кассу, если нас не устраивает такая «женщина», как он. Другой нет и не будет.

– Почему? – требовательно поинтересовалась Наташка.

Решив немного смягчить общее впечатление от Наташкиной агрессивности и начиная подозревать, что с проводницей случилось нечто из ряда вон выходящее, я торопливо разъяснила ситуацию: утром случайно оставили в своем купе кое-какие вещи и только сейчас спохватились.

– Я ничего не знаю, – буркнул проводник и, опровергая свое заявление, выдал: – Прямо повальная забывчивость. Праздники, что ли, на людей так действуют? Обратитесь в бюро находок, обычно вещи забывчивых пассажиров сдаются туда. Отойдите от вагона, через две минуты отправление.

– Это не совсем обычная вещь, – отрывая меня от поручня, наставительно заметила Наташка. – Где нам найти проводницу?

– Послезавтра утром обратитесь к начальнику поезда, – сухо ответил молодой человек, выразив намерение закрыть дверь. И закрыл бы, да покосился на меня. Скорее всего, опасался, что в безумном намерении затормозить отправление поезда, опять вцеплюсь в поручень. Ну а я, как нельзя кстати, представляла собой объект, на который без слез не взглянешь, а если взглянешь, забудешь про все на свете. Про технику безопасности тем более. Про нее всегда первым делом забывают. Не мудрено. Горестно покачиваясь из стороны в сторону, я думала о том, что проводница стала очередной жертвой неведомого убийцы. Зачем ему свидетели?

Последнюю минуту проводник из жалости ухлопал на сеанс моей релаксации, убеждая не беспокоиться за утраченную вещь. Пруткова Галина – человек честный и порядочный, если что-то нашла, обязательно вернет. Заболела она. Это ж надо додуматься, зимой шляться в плаще, пусть даже и с подстежкой. Вытащив мобильник, он скороговоркой предложил запомнить номер Галины. Только ни в коем случае не раскрывать источник информации. Поезд тронулся, а мы все бежали за вагоном, сверяя цифры номера. Возвращаясь назад, продолжали бормотать его вслух, несмотря на то что Наташка занесла данные в свой мобильник.

Звонить Прутковой вот так сразу с платформы не решились. Следовало отдышаться и выбрать правильный тон. Я продолжала шумно радоваться тому, что проводница жива, просто немного нездорова. Признаки простуды появились еще в пути. А может, у человека пересменка и на ее «улице» короткий праздник выходных дней. Задуматься над словами проводника о повальной забывчивости пассажиров не удосужилась, для меня забывчивость – явление обычное. Самой крупной потерей следовало считать пуловер, который я закончила вязать в одном из речных круизов на теплоходе, в расчете подарить его мужу. К тому времени Димка этот подарок видеть не мог, потому как из-за него не мог видеть меня – «обвязалась», не поддаваясь на призывы порадоваться жизни. Спустя короткое время после окончания круиза, выяснилось – пуловер остался в каюте. На память. Сказать, что Димка расстроился, не могу. По-моему, даже обрадовался лишнему поводу подчеркнуть свое превосходство. Все свелось к тому, что судьба меня осчастливила, преподнесла такого супруга в качестве подарка. Я вынужденно согласилась. На его беду, при Наталье. Подруга, не задумываясь, заметила, что подарки, в основном, дарят такие, какие самим не нужны. Чтобы потом не обзавидоваться. Дня три Димка демонстративно с ней не общался...

Крупные хлопья снега, на которые расщедрилась погода, мешали рассуждать в правильном направлении. Наташка уныло заметила, что на даче сейчас сказочная красота. Даже без магистрального газа, которым в два счета можно обеспечить отопление садового дома. Жаль, что эти «два счета» – первый за подводку к участку, второй за окончательные работы – непомерно велики. Осознание масштаба расходов будет постоянно мешать созерцанию падающего с небес нерукотворного великолепия. В конце концов снежинками можно любоваться и в городе из окна квартиры. Даже вечером, достаточно лишь выключить свет. К тому же надо позвонить проводнице Прутковой. А я удачно вспомнила о завалывшемся дома старом мобильнике. Оставалось только приобрести сим-карту, что мы безотлагательно и сделали.

Тактику переговоров с Прутковой окончательно так и не утвердили. В метро мешал шум, но кое-что оговорили. В частности, исключили вариант словесного напора – отдайте содержимое пакета со львом по-хорошему. В лифте отметили непригодность версии о том, что тапочки и журнал – последний привет покинутого мужа сбежавшей жене. Чужая просьба, которую мы не можем не выполнить. Дома у него коза, семеро козлят и трое детей.

– А тапки – заговоренные, – вздохнула я. – Призваны указать беглянке единственно-правильный путь, то есть обратную дорогу к дому, из которого она сбежала. Дурь несусветная.

На этом мы остановились. Вместе с лифтом. Двери с шуршанием открылись, высветив в темноте лестничной площадки прямоугольник. Возникло непреодолимое желание укатить на первый этаж, вызвать от консьержки электрика, с ним и вернуться на свой этаж. Я даже потянулась рукой к кнопке, но тут металлическая дверь общего коридора открылась, явив нам новый источник света и ангела спасения в лице и фигуре Анастас Ивановича. За ней сразу не различили тщедушного Степана Ивановича, которому она обеспечивала поддержку своим присутствием на пути к мусоропроводу.

Забыв про свою миссию охранника собственного мужа, Анастас Иванович удивленно ахнула и прижала руки к груди. Отпущенная на свободу дверь постаралась вернуться в исходное положение, но была остановлена мощным толчком ноги соседки. Несколько припозднившийся с выходом Степан Иванович споткнулся о подставленную любимой женой ногу и только благодаря нашей оперативности был своевременно перехвачен до момента торможения лбом о бетонный пол. Но не совсем удачно. Прерванный полет был таковым только для соседа. Мусорный пакет, вылетев из его рук, с ускорением полетел дальше. Пара секунд – и от места стыковки пакета с неизвестным мужиком, выбравшим неподходящий момент для проявления любопытства и высунувшимся из закутка с мусоропроводом, раздалось громкое «бум!!!». Следом мы услышали резкий вскрик, сопровождаемый звонким «блямс-бахом». Пакет с мусором благополучно приземлился. Кабина лифта закрылась, значительно сократив видимость. Он ровно загудел, подчиняясь новому вызову.

Лично у меня не вызывало сомнений, что мужик дожидался нас с Наташкой, причем не с добрыми намерениями. С ними удобнее наносить визиты при полном освещении и открыто, а не прячась за мусоропровод. Следовало немедленно бежать и спастись в квартирах, но мы поступили с точностью до «наоборот». Охваченные яростью, бросили Степана Ивановича на половине пути к восстановлению в полный рост – а куда ему торопиться! – он покорно растянулся на полу. Сами же необдуманно кинулись к мужику, вписавшемуся в угол между окном и дверью, ведущей на лестничную клетку. В ту минуту не думалось, что он может быть вооружен. Не решаясь покинуть свой светоносный пост, Анастас Иванович трубила общий сбор по подъезду, с пола что-то верещал Степан Иванович. Это придавало уверенности – все-таки мы с Наташкой не одни.

Мужик, схватившийся руками за голову, скрытую капюшоном, был силен. Наш наскок заставил его забыть про травму. Молниеносное движение одной правой руки, и мы с Наташкой отлетели назад, прихватив с собой восставшего с пола соседа. Врезавшись в стопор – Анастас Ивановича, раскатились в разные стороны и шлепнулись, уже не мешая друг другу, кто как сумел, но, благодарение судьбе, без потерь и крупных приобретений. Пара синяков – умеренная плата за безрассудство. Пока собирались воедино, не было времени отследить бегство мужика, но оставалась надежда, что он не успел удрать из подъезда.

Наташка вытащила мобильник, подхалимски напомнила аппарату, что специально долбанулась о стенку левым, а не правым боком, где он спокойно отлеживался в кармане, но вызвать милицию не успела – сверху и снизу подлетела соседская подмога. Женская часть осталась с нами, а отважные мужчины рассыпались по лестничным пролетам в поисках вора. Или насильника. Кому как нравилось обзывать злоумышленника. Под шумок Степан Иванович выкинул в мусоропровод поднятый с пола пакет.

Как назло, лифт был занят, а когда он освободился и нашим глазам предстала испуганная консьержка с судорожно зажатыми в руке ключами от своей каморки, стало ясно, – «семафор» залетному гастролеру открыт. Он уже сверкает пятками зимних сапог в пределах уличной недосягаемости, что, собственно, и подтвердили возвращающиеся к нам добровольцы-преследователи. Воодушевленные силой коллективизма и собственным бесстрашием, они делились несбывшимися планами коренной ликвидации у преступника склонности к воровству и насилию. Одни собирались его придушить, затем оторвать ему

голову и кое-что еще, другие – укоротить руки, размазав по стенке либо выкинув с семнадцатого этажа, хотя прятался он на нашем тринадцатом. Последнее обстоятельство не замедлила напомнить Наташка. Какой смысл тащить уroda на семнадцатый этаж, если он прекрасно может долететь вниз и с тринадцатого. Гул голосов стих, и все сразу вспомнили о консьержке.

Пожилая полная женщина принялась рьяно отстаивать факт добросовестного выполнения своих сторожевых обязанностей. Всех жильцов знает наперечет и посторонних в подъезд не пускает. А вот то обстоятельство, что у многих домофоны неисправны, ее не касается. Практически каждый день то к одним, то к другим заявляются курьеры с доставкой заказанных по Интернету товаров. Не со всеми заказчиками удается связаться по домофонам. Но и в таких случаях она требует от курьеров предъявления накладных. Здорового мужика в куртке с капюшоном видела. Причем не один раз и не одного по счету. В подъезде таких пруд пруди. Многие, кроме пожилых пенсионеров, обходятся без шапок. Некоторые и капюшоном не прикрываются.

– Антонина Андреевна, а кто-нибудь из курьеров недавно заходил в подъезд? – пробился наконец разумный голос молодого паренька с пятнадцатого этажа. Надо же, когда только успел так вымахать? Все время был маленьким школьником и вдруг...

– Из курьеров? – отвлеклась консьержка. – Не было. Работник милиции проходил. По документам.

– В коричневой куртке с капюшоном? – Паренек, кажется, его Алешей зовут, не отстаивал.

– Совершенно верно, куртка была темной. С капюшоном. А сам он весь снегом запорошенный. И торопился очень.

– А при вас он назад возвращался?

– Назад? Точно не могу сказать. Я отходила чайник налить. Кто-то, наверное, выходил. Но мне главное кто входит, а не кто выходит.

Не оборачиваясь, Антонина Андреевна нажала кнопку лифта и, сославшись на то, что и так задержалась, уехала вниз.

Несколько минут мы обсуждали милицию, которая за последнее время оборзела. То тут то там вскрываются факты милицейского беспредела. Хорошо осведомленные соседи уверяли, что беспредел был всегда, только о нем умалчивалось. Согласились и с этим, поскольку в доказательство приводились жуткие факты, почерпнутые из прессы или телевизионных откровений. Затем встал вопрос об обоснованности коммунальных платежей. Он в любую тему вписывается. Консьержек не касались, оплата их труда идет не из нашего кармана. Народ постепенно расходился, а в душе оставалось теплое чувство признательности за помощь и поддержку. Ведь казалось, хоть живем впритык друг к другу, но одновременно в полной изоляции.

Проводив последних добровольцев, мы с Анастас Ивановичем и ее заскучавшим супругом коллективно закрыли входную дверь, не забыв порадоваться своей предусмотрительности. Пару месяцев назад заменили ее металлической, которую так просто с налета не возьмешь.

– Кстати, Анастасия Ивановна, а что такого было в вашем бронебойном мусоре? В момент выбило мужика из его бандитского плана нападения! – поинтересовалась Наташка, замешкавшись с ключами у своей квартиры.

– Банка с желтой краской, – услужливо подсказал Степан Иванович. – Трехкилограммовая. Случайно на балконе забыли, она и перемерзла. А еще... – Он немного помедлил и виновато посмотрел на жену. – Настюша, железная гирька вся проржавела, я уже говорил тебе, ее никак нельзя использовать в качестве груза на квашеную капусту...

– Фига себе! – Наташка нечаянно выронила ключи. – Крепкая, однако, у бандита голова. Хотя неизвестно – а вдруг он ею где-нибудь на улице и притормозил. Головокружение от неуспеха.

– С нашей стороны это была самооборона! – убежденно заявила Анастас Иванович. – Чтобы мы с вами делали, три слабые несчастные женщины, если бы не правильные действия моего мужа?! И я хочу обратить особое внимание на недавний налет к вам якобы милиции. Склонна предположить, что это была воровская разведка! Сейчас так много «оборотней». Пойдем, Степушка, – она обиженно повернулась к нам задом, – я выну из морозилки курочку.

Мы наперебой принялись петь дифирамбы Степану Ивановичу. Но, кажется, переборщили. Благоклонно приняв наши извинения, Анастас Иванович решила, что курица может и подождать. Гречневая каша с молоком как раз то, что нужно сейчас нервной системе мужа. Герой отчаянно перекосялся.

Выйдя на пенсию, Анастас Иванович всю себя посвятила заботам о горячо любимом Степушке. Супруги Воронины могли бы считаться идеальной парой, их взаимоотношения – примером самоотверженности, если бы при этом Степан Иванович не страдал от излишней заботы жены. Будучи женщиной статной и крепкой, Анастас Иванович опережала мужа в росте почти на голову, а в весе – килограмм этак на шестьдесят. Обретя массу свободного времени, она неожиданно отметила оба этих обстоятельства и панически испугалась, убедив себя, что субтильность Степушки – следствие тяжелой болезни. Не доверяя врачам, диагнозы ставила сама, меняя их почти ежемесячно. Как бы то ни было, но Степан Иванович мужественно сидел в основном на молочной диете и постепенно сдавал, что, разумеется, вело к усилению заботы со стороны жены. И несчастный сдал бы окончательно, да время от времени он устраивал «загрузочные» дни – результат выдавливания из себя по капле раба любви и покорности. Помогали и ежегодные бесплатные путевки в санаторий, которые супруги получали как ветераны труда. Анастас Иванович хоть и сопровождала мужа в каждой такой поездке, но его режим питания изменить не могла. Возвращались оба неузнаваемыми: она – измученная и похудевшая, он, благодаря прибавке не менее двенадцати килограмм, округлившийся, бодрый и веселый.

– Любовь и в самом деле слепа, зла и безрассудна, – отметила я, с некоторой опаской переступая порог собственной квартиры. Впрочем, совершенно необоснованно.

7

Наутро мы окончательно пришли к выводу, что вечерний несостоявшийся визитер просто залетный вор-домушник. Никакого отношения к истории нашей кратковременной поездки с Кэтькой не имеет, действует сам по себе. Успокоенная этим выводом я принялась названивать проводнице. Но это занятие было решительно пресечено Наташкой. Первым делом следовало обеспечить конспиративное место для Венеры. Ничего более приемлемого, чем банковская ячейка не придумали, благо неодноразовый положительный опыт имелся. На наше несчастье, день для банковской системы выпал нерабочий. Банкиры тоже отдыхают. Потеряли час, бездарно потратив его на возмущение, а затем препроводили «Небесную Венеру» в темную камеру пожарного ящика в нашем общем коридоре и испытали истинное облегчение. Она уютно устроилась на самом дне, под прикрытием своего малинового полотенца и пожарного шланга.

Пруткова ответила не сразу – только с третьей попытки к ней дозвониться, да и то хриплым мужским голосом. Я уже решила, что оператор схалтурил или мы неправильно запомнили номер, когда она поинтересовалась, какого черта звонить, если сказать нечего.

– Как это нечего? – удивилась я в трубку. – Могу я услышать госпожу Пруткову?

Наташка с досадой дрыгнула ногой и процедила сквозь зубы, что обзывать проводницу госпожой с моей стороны непорядочно. Звучит издевательски. Я округлила глаза, имея в виду элемент случайности. Просто не ожидала услышать Пруткову в другой тональности.

– Можете. Я слушаю. На голос не обращайтесь внимания – простыла. Не узнаю, кто это?

– Простите, вас Галина зовут?

Ответ прозвучал после небольшой заминки:

– Галина. Кто это говорит?

Смутная тревога царапнула душу, я присела на диван и выразила сомнение в том, что она – это она. На другом конце мобильной связи спорить не стали, просто взяли и отключились.

– Ну на фиг брать на себя инициативу переговоров, когда не можешь реально оценить ситуацию?! – выплеснула на меня свое разочарование Наташка.

– А вдруг настоящая Пруткова валяется где-нибудь очередным трупом? – попыталась я оправдаться.

– Тем более! Значит, с тобой разговаривал убийца, а не очередной труп Прутковой, что, согласишься, куда страшнее. А кто, кроме убийцы, мог выдавать себя за свою скоростную жертву? Следовало бы взять у него краткое интервью. Все равно ты номер засветила.

– Не засветила. Я его сразу засекретила. От всех, кроме тебя. Официально у меня украли мобильник, что подтверждается соответствующей записью в протоколе. Такое счастье для Димки! Очередное доказательство его правоты: была, есть и буду растяпой. На том стою! Как вообще с такой можно жить!

– Нормально, если столько лет прожил и расставаться не собирается. С тобой он в полной мере ощущает свое превосходство. Ну и дурак. А ты растяпа умная. Вот только «на том» не стоишь, а сидишь. На мой взгляд, очень неудобно. Но кому как. Лично я ни за что не стала бы рассиживаться с таким креном на левый бок.

Бесцеремонно кувыркнув меня на диване, Наташка выдернула невесть как попавший под меня свой давнишний подарок, корзиночку для рукоделия, и обозвала не очень правильным словом. То ли меня, то ли корзиночку. Я запоздало ойкнула, выразив таким образом сожаление Наташкиному подарку, уселась поудобнее и приготовилась к ответной атаке. Так в этой готовности и замерла. Потерявшая ко мне всякий интерес подруга по моему старому мобильнику уже здоровалась с Галиной, не забыв напомнить ей, кто мы такие. Особо рас-

пространяться не стала. Две приятные женщины, которые первыми из пассажиров отказались от вечернего чая, сославшись на некачественную заварку. Кажется, Пруткова этому обстоятельству совсем не обрадовалась, что я злорадно вслух и отметила. Несмотря на большое горло, проводница выдала Наташке по полной программе накопившееся раздражение за все звонки, которыми ее уже достали. Подруга демонстративно повернулась ко мне задом, к выходу передом и четко отрапортовала извинения, не забыв предложить Прутковой грядущую встречу в прокуратуре. Оснований – отсюда до завтра. Потому как, выпавшись, мы разложили всю дорогу в столицу по полочкам и вспомнили некоторые детали ночного переезда. Они касаются нашей таинственной попутчицы, намеренно замаскированной под бомжиху. Все бы ничего, если бы эта ряженая мужебабенция, покидая купе, не прихватила кое-что из наших вещей. А они дорогого стоят. Нет сомнений, что навязанная нам безбилетная «подсадная утка» поделила прибыль с проводницей пополам...

Пруткова все время пыталась что-то сказать, да Наталья Николаевна не давала. Отказала тормозная система. Митинговала даже тогда, когда я выхватила мобильник у нее из рук и предоставила слово Галине. Надрываясь и отчаянно кашляя, Пруткова просила приехать к ней завтра, а еще лучше – послезавтра. Уж очень плохо она себя чувствует. Мне оставалось только записать адрес, что я и поторопилась сделать, не слушая Наташкины наставления. Подруга требовала высказать проводнице то, что сама не успела.

Вопреки моим ожиданиям, Наталья предстоящую поездку восприняла без энтузиазма, была уверена, что пакета с журналом и тапками у проводницы нет. Не велика ценность. В противном случае, вместо того чтобы сыпать оскорблениями, она сразу бы призналась в перепрятках. Тащиться в Пушкино на электричке, а оттуда еще катить невесть куда на автобусе подруге не хотелось, а других вариантов не имелось. Вечно попутный в весенне-летний сезон Наташкин транспорт – иномарки бывших стран социалистического содружества «Таврия» и «Шкода» стояли на зимнем приколе. Пришлось напомнить всю важность для Тимура и Кэтки утраченных тапок с журналом (плюс мой кувшин) и об опасности шедевра, приобретенного нами взамен. Обмен явно не равноценный, и проводница что-то по этому поводу знает, иначе зачем ей приглашать нас к себе. И надо ехать немедленно, чтобы застать Галину врасплох. Неизвестно, что будет с ней через два дня. Поправится, и ищи ветра в поле.

– «Зачем приглашать нас к себе!» – передразнила меня подруга и неохотно пояснила: – А чтобы взять реванш за мои справедливые упреки. По телефону-то у нее огрызнуться не получилось.

– Лицом к лицу и подавно не получится, – заявила я, прикидывая, стоит ли поддевать под куртку теплый свитер.

– Так она же этого не знает. Ну зачем ты напяливаешь на себя это укороченное платье грубой вязки? – поморщилась подруга. – Впрочем, как хочешь... Надо позвонить соседу Николаю, пусть поможет поставить аккумулятор в «Ставриду». С некоторых пор железнодорожные пути вызывают у меня неприязнь. Надеюсь, когда-нибудь это пройдет.

Чуть больше чем через час мы уже катили по окружной в сторону Ярославского шоссе. С умным видом уткнувшись в атлас автомобильных дорог Московской области, я тщетно пыталась разобраться в маршруте. С правильного направления сбивало размышление о том, что именно испугало проводницу. И чем больше я думала, тем сильнее проникалась уверенностью – ночная попутчица подсажена к нам без билета. Своим заявлением следователю о беспробудном сне под стук колес мы невольно сыграли Прутковой на руку. И эта уверенность породила непонятное чувство тревоги.

– Надо было узнать у болезной, не нуждается ли она в каких-нибудь «колдрексах», – буркнула Наташка. – С другой стороны, если ей быстро полегчает, она сразу и разорется. Ладно. Выясним по прибытии. Ир, ты, случаем, не знаешь, чем благодетельствовал Алек-

сандр Сергеевич город Пушкин? Лошадей или любовницу на дороге сменил? А может, в свое время так «насоллил» градоначальству и чиновничеству, что в память об этом событии благодарные потомки присвоили городу фамилию великого русского поэта? Его «арапские» корни не в счет. Наш народ истари любую администрацию не жалуется. Блин! Да что же это за беда такая! Летом пробки, зимой пробки. Всего-то тридцать километров от Москвы, а тащимся целый час.

Я отчаянно помотала головой, избавляясь от тревожных сомнений в целесообразности нашей поездки, инициатором которой явилась, и окунулась в смысл вопроса.

– Александр Сергеевич к этому конкретному району пробочного бедствия отношения не имел. В старину на Руси было такое имя, а может, и прозвище – «Пушка». Вот в честь такого «Пушки» вначале называли село, а затем и город. Кстати, именно один из многочисленных «Пушек», был основателем рода Пушкиных, включая и нашего Александра Сергеевича. Величали родоначальника Григорий Александрович Морхинин. Только не надо злословить на тему моего всезнайства! Живу чужим умом. В поисках поселка Прутковой я успела слазить в Интернет. Этот твой путеводитель... – Я небрежно закинула творение картографов на заднее сиденье. – Сто дорог к одному и тому же месту, и все перепутано.

– Не ерничай! Как известно, все дороги ведут в Рим, но умные люди выбирают самые оптимальные варианты.

Я с негодованием отчеканила:

– Можно подумать, я тебе предлагаю ехать в Пушкино через Италию!

– Да я бы в такую даль и не поехала, – хохотнула Наташка. – Везти тебя в Италию как контрабандный груз для подрыва экономики страны, причем потайными путями, нет смысла. Высунешься в самый неподходящий момент. К тому же у меня денег на бензин не хватит, а дома в заנачке валяется упаковка спагетти. Словом, в Риме мне делать нечего. Ир, а с какой стати тебя схватывает? Такое впечатление, что назло самой себе к проводнице катишь. Ты только скажи, мигом развернемся.

Через силу улыбнувшись, я сослалась на головную боль. Не долго думая, Наташка, добрая душа, остановилась, вытянула из своей сумки упаковку таблеток и, сославшись на рекомендации опытных врачей, не советуя ждать милости от головной и сердечной боли, буквально силком заставила меня проглотить лекарственный набор. Без воды это несколько проблематично. Я тут же дала себе слово никогда не врать по поводу своего самочувствия. Лучше промолчать. И, несмотря на то что к концу пути голова у меня и в самом деле разболелась, я молчала, загадочно улыбаясь на тревожные Наташкины замечания о моей бледности.

– Такое впечатление, что не в коня корм, – отметила Наташка плохую результативность своего лечения.

– Все в порядке. Просто я не конь... И не лошадь!

А также не кобыла! – повысив голос, поторопилась я с пояснениями, заметив, что Наташка, закусив нижнюю губу и хитро прищурилась. Вне сомнения, подыскивала мне подходящее сравнение, аналог коня, только женского рода. – Следи за дорогой, мы почти приехали. Только я не знаю, где сворачивать, а твой атлас нечаянно завалился вниз. Пора приобретать GPS.

Выслушав советы доброжелательных пушкинцев и благодаря им пару раз крутанувшись по городу, совершенно случайно выскочили в нужную сторону.

Поселок, в котором проживала Пруткова, оказался дачным и размещался на берегу маленькой речки под названием Уча. На другом берегу высились многоэтажные дома, на фоне которых частные строения казались особенно маленькими и беззащитными. Такое впечатление, что они в поисках поддержки испуганно жались друг к другу, спасаясь от психической атаки гигантов.

Улица была совершенно пустынна. Нужный нам дом нашли без труда, порадовавшись хорошо накатанной дороге, а равно тому, что он первый в ряду. От калитки к крыльцу вела расчищенная дорожка. И, хотя собачьей конуры в поле зрения не наблюдалось, мы все же решили проявить осторожность, доложив Галине о своем прибытии по телефону. Мобильник добросовестно выдавал сигналы вызова, пока ему не надоело. Галина отзываться не желала.

– Так и будем торчать у калитки в ожидании особого приглашения? – поинтересовалась у меня Наташка таким тоном, словно именно я обеспечивала пропускной режим на территории участка Прутковой.

– Лично меня останавливает только одно обстоятельство – возможная встреча с возможной собакой.

– А-а-а... ерунда. Облаем, она и ошалеет. На пару минут. Надеюсь, их нам мало не покажется. Посторонись, у меня большой опыт общения с собачьими натурами. Столько лет в одной своре отслужила.

– В таком случае тебе лучше прикрывать меня с тыла. Впрочем, я и сама не знаю, где сейчас у меня самая слабая сторона, все одинаково дороги.

Я решительно толкнула калитку и еще более решительно понеслась по дорожке к крыльцу. Оглянулась только на площадке. Было на что посмотреть. Подруга, играючи помахивая сумочкой, неторопливо преодолевала разделявшее нас расстояние. Демонстрировала свою исключительную храбрость, смахивающую на запредельную дурь. Может, надеялась, что проводницам, для которых вагон – дом родной, незачем заводить собаку? Впрочем, есть и другое объяснение: собака на цепи и зарегистрирована по месту проживания сторожа. Там его и охраняет, облаивая всех посторонних лиц, независимо от соблюдения ими «визового» режима. Служба такая.

– Калитку за собой не закрыла! – попеняла я подруге.

– Это сквозной путь к отступлению, – пропела она, стаскивая с головы капюшон. – Давай тарабань в дверь. Кажется, звонка здесь проектом не предусмотрено.

Я стащила варежку и отстучала кулаком короткую музыкальную фразу. Никто не спешил открывать. Разумеется, мне это не понравилось. Пара секунд ушла на то, чтобы снова надеть варежку, после чего я с большой опаской подергала за ручку двери, машинально отмечая излишнюю ядовитость зеленой краски. Летом оно, может, и ничего, но вот зимой дом выглядит противоестественно.

– Ручку оторвешь... – тихо предупредила утратившая храбрость Наташка. – Просто как следует толкни дверь на себя или от себя. А лучше предоставь это мне. Если откроется, сразу же летим сквозняком к калитке.

Я воспользовалась рекомендациями подруги и с облегчением поняла, что дом закрыт изнутри, поскольку снаружи он должен закрываться на навесной замок. Металлическая «собака» торчала в петле дверной коробки, правда, сама по себе, независимо от двери и в закрытом состоянии.

Наташка развернулась и требовательно постучала ногой по деревянной поверхности. Безрезультатно! Уяснив это, собралась было громко озвучить свое негодование, но я успела нахлобучить ей на голову капюшон, что сразу ее озадачило. Она вскинула голову и вопросительно уставилась на меня.

– Тс-с-с... – прошипела я, прикладывая палец к губам. – Мне не нравится резкая перемена в настроении Прутковой. Не враг же она сама себе. Давай сделаем вид, что отчаливаем. Заметила, что у нее «удобства» на улице? Туда и дорожка проложена. Лопатой. Рано или поздно высунется.

– А если не высунется?

Мне не хотелось рисовать мрачную картину насильственного удержания Прутковой в доме с помощью чужой грубой силы, и я отделалась неопределенным «там будет видно».

– Вот стерва!!! – кивнув мне, радостно заорала Наташка. Громкость явно была рассчитана на засевающую в доме Галину, я едва не оглохла. – Пусть теперь оправдывается! Хотели, как лучше. Возвращаемся домой.

Подруга застыла в ожидании дальнейших указаний.

Я их продемонстрировала собственным примером – деловито прошагала к распахнутой калитке, вот только машинально закрыла ее за собой, вызвав полное недоумение спешащей следом Наташки.

– «Слона-то я и не приметил», – оборвала она мои извинения.

– А не надо было сидеть на диете, – отмахнулась я.

– Так я на ней и не сидела. Два мучительных часа в декабре на кефире не считаются.

– Сидела! – заартачилась я. – И при чем тут твой кефир? Вспомни, как я вытягивала из-под тебя распечатку рецептов для похудения, усидчивая ты наша.

– Ах, это... Давай ближе к делу. Мы что, и вправду уезжаем?

– За угол. Если помнишь, внизу тоже дорога. Оставим машину и попробуем вернуться к Прутковой с другой стороны участка. К тому времени она расслабится и потеряет бдительность.

Одержимая стремлением вывести проводницу «на чистую воду» и слишком увлеченная обвинениями в ее непорядочности, Наташка мигом уселась за руль и рванула с места. Обо мне вроде бы забыла. Я так и осталась торчать на дороге вопросительным знаком. Подозреваю, так она отыгрывалась за закрытую перед ее носом калитку. Проехав метров пятнадцать, подруга все-таки заметила мое отсутствие и подала назад, заявив, что шальной «Старриде» срочно понадобилась короткая разминка. Дождавшись, когда я займу свое место, ловко увела разговор в сторону, мгновенно купировав мое возмущение требованием пристегнуть ремни. А хотя бы и на сто метров пути без гаишников. Порядок есть порядок.

Дорога, на которую мы свернули, уходила в неведомую даль. Наташке она не понравилась – плохо наезжена и слишком узкая для разворота. По обеим сторонам раскинулась снежная целина, заставившая пожалеть о решении попасть на участок Прутковой с задворков. Я плохо ползаю по-пластунски, а иным путем туда не добраться. Мы медленно двигались только вперед, пока вдали за пригорком не показался ряд домов. До них было не меньше километра.

– Вот послушала тебя... – многозначительно начала Наташка и запнулась, уставившись в боковое зеркало.

Я тут же последовала ее примеру, но ничего подозрительного не увидела. – ...и, кажется, правильно сделала! – договорила она с тревогой. – Фига себе! Оглянись назад. Быстрее! Копуша, блин... Поздно!

– В этих путах я не могу скоропостижно развернуться назад! Пока отстегнешься... Что ты там увидела?

– На фига ж было пристегиваться? Ты меня больше слушай, можно подумать, я всегда права. И помолчи, пожалуйста. Похоже, на дороге, с которой мы только что свернули, белую машину из рогатки выпустили. Так летела! Неужели вдогонку за нами? Зря она так, мы уже в другом измерении едем. Мама дорогая! А это чудо откуда?

Снижая скорость и отчаянно сигналив, навстречу нам катила «раскосая» иномарка. Наташка тут же изрекла, что разъехаться невозможно, а сдать назад ей не позволяют приличия: судя по наличию усов, за рулем встречной колымаги мужик, следовательно, обязан уступить дорогу даме. Если, конечно, не козел.

– Там все козлы! Целое стадо! – ахнула я, пугаясь медленной высадки десанта в пять амбалов из сравнительно небольшого салона иномарки. – Сейчас нас мягко перенесут

на обочину и кувыркнул в сугроб, откуда «Ставрида» выплывет только весной. С тальми водами.

Наташка выдала что-то неразборчивое про неконтролируемый рост поголовья джентльменов-мутантов – результат генной модификации продуктов и мигом дала задний ход. Пятерка суровых ребят двинулась было за нами следом, но скоро остановилась и, быстро посоветовавшись, вновь утрамбовалась в подъехавшую «косоглазку».

– К-как мы их б-бортанули... – слегка заикаясь, протянула подруга. – Ирка, на трассу сейчас нельзя. Вдруг там нас караулит черт, пронесшийся сломя голову вроде как следом. Останавливаться у развилки тоже не будем. Не приведи господи, эти козлы набьют «морду» моей «Ставриде». Заметила, какие у них бесчувственные физиономии? Быстренько пятимся, поворачиваем налево и дуем вдоль по дачной улице.

Я и не думала возражать, но на повороте у Натальи неожиданно заглох двигатель. История с высадкой подоспевшего «десанта» повторилась, и пока подруга судорожно пыталась завести машину, амбалы неуклонно приближались. На это нашествие просто невозможно было смотреть, поэтому я, чтобы отвлечься, выбрала верхушку большой сосны и принялась быстро пересчитывать ее лапы. А как придется. Точное количество меня не очень волновало.

– Помощь нужна?

Доброжелательный тон вопроса, адресованного Наташке, сбил меня со счета.

– Не заводится... – непривычно жалобным голоском тоненько проблеяла она и вжалась в кресло.

– Пятьдесят... – высказалась я, отрывая взгляд от припорошенных снегом веток, и в знак солидарности с подругой кивнула.

– Да ну, какие там деньги, мы бесплатно поможем, – добродушно заявил тип, стоящий с Наташкиной стороны. – Капот откройте.

Подруга предприняла еще одну бесполезную попытку завести «Таврию» и выполнила требование. Все равно деваться некуда. Не очень уверенно открыла окно и предложила одному из амбалов рабочие перчатки. Вся группа сунулась носами в капот. Не прошло и пяти минут, как наша «Ставрида» довольно заурчала движком.

– Провод высокого напряжения из трамблера выскочил, – стаскивая перчатки, сообщил в приоткрытую амбразуру окна главный ремонтник. – Бывает.

– Они, трамблеры такие... выскочки, – через силу улыбнулась Наташка. – Благодарю вас. Это оставьте себе, – отмахнулась она от перчаток. Кажется, все еще сомневалась в добрых намерениях помощников, а посему не хотела открывать окно шире. Не удивительно. Выведи эту группу на большую дорогу, все водители автомашин на полном ходу развернутся и рванут в обратную сторону.

– Далеко едете-то? – поинтересовался еще один из доброжелателей, ввинчиваясь лысой головой в воротник куртки.

– Спасибо, мы уже приехали, – тыча указательным пальцем в дом Прутковой, – миролюбиво пояснила я, с недоумением наблюдая, как у всей группы товарищей вытягиваются физиономии.

– Нечаянно не туда, куда надо свернули, – заискивающе оправдалась Наташка. – Приятельница карту потеряла.

Дополнительных вопросов удалось избежать только благодаря новому сигнальному призыву усатого «рулевого», успевшего занять свое место в машине. Отметив, что «косоглазка» отправилась в сторону основного шоссе, мы с Наташкой снова подъехали к дому Прутковой.

На удачное продолжение нашего визита не надеялись. По словам подруги, белая машина неслась на недопустимой скорости. Объяснение одно... Нет, два: Пруткова либо пыталась скрыться, замата следы соучастия в вагонном преступлении, либо гналась за нами

как за очередными жертвами. Голосок у нее еще тот. Хотя не исключено, что с нами разговаривал сообщник.

На сей раз мобильник Прутковой не расщедрился даже на ответные гудки. Причину мы поняли сразу же, как только с силой вломились в открытую дверь. Проклятое любопытство! Да кто бы сомневался, что она будет закрыта! Проскочив маленький коридорчик в порядке организованной Наташкой очередности, мы влетели в большую комнату – кухню. В голову не пришло стучаться. В общем-то, правильно. Проявлять гостеприимство, спеша на зов визитеров в бессознательном состоянии, весьма проблематично. А Пруткова именно в нем и находилась. Несмотря на это, мы с Наташкой, застыв у порога комнаты, хором с ней поздоровались.

Оцепенение схлынуло, как вода из опрокинувшегося ведра, которое на даче по непонятной причине постоянно попадаете мне под ноги. Причем в разных местах.

Пруткова лежала на боку, поджав под себя ноги, согнутые в локтях руки были прижаты к горлу. Рядом валялся безжалостно раздавленный мобильник. Мелькнуло предположение, что женщина бежала к выходу, но неожиданно споткнулась. Далось мне это навязчивое ведро с водой! Короче, споткнулась и упала. То, что перед нами именно Пруткова, мы не сомневались, хотя в длиннополом махровом халате, с растрепанными волосами, скрывающими большую часть лица, видеть ее не приходилось. Женщина сипло, с надрывом втягивала в себя воздух и толчками, с затруднением, его выдыхала. Рядом валялась табуретка старого образца, коричневая, под цвет деревянного пола.

В комнате был полный бедлам. Из приоткрытой двери в соседнее неотопливаемое помещение ощутимо несло холодом. Не стоило сомневаться, что и там все перевернуто вверх дном.

Увиденное отмечалось и анализировалось по ходу дела. Наташка попыталась оказать Прутковой посильную помощь, я в меру сил мешала ей. В ходе спасательной операции выяснилось то, что на первый взгляд замечено не было: на шее проводницы тугим узлом были завязаны черные колготки.

О том, чтобы его развязать, не могло быть и речи.

– История повторяется, – сухо заметила Наташка, – но почему-то не в виде фарса. Точно так же пытались удушить Киселя, только не колготками, а твоим шарфом². Нож! – приказала подруга тоном хирурга, требующего скальпель, и протянула открытую ладонь.

Я метнулась к столу и притащила сразу три – на выбор. Так все три ей в руку и вложила. Два из них она, чертыхнувшись, откинула в сторону. А в следующую секунду я увидела то, что на какое-то время отключило меня от происходящего: с правой стороны кухонного стола, рядом с перевернутой металлической кастрюлей валялся подаренный мне Настей глиняный кувшин с ромашками и васильками. В целостности и сохранности. Я кинулась к нему и крепко прижала к себе двумя руками...

Кажется, я что-то говорила. Не помню. Все звуки в доме перекрыл яростный мужской вопль. Дальше было еще страшнее. Какая-то темная куртка с руками и ногами метнулась к нам от входной двери. Насчет головы – не помню, на тот момент я ее не заметила. В принципе, она должна бы наличествовать. Наташка ракетой отлетела к дверному проему неотопливаемого помещения, облюбованный ею нож взмыл вверх и лезвием воткнулся в деревянный потолок. Пришелец грохнулся на пол и придавил несчастную Пруткову своим телом. Прерывистые вздохи оборвались. Отсчет ее жизни пошел на секунды. Выхода не было, мое сознание сработало автоматически, причем с опережением бытия. Я метнула свой ненаглядный глиняный шедевр в район предполагаемого места нахождения головы бандита...

² Роман В. Андреевой «Убойная стрела Амура».

8

Наташка родилась под счастливой звездой. Единственная ее потеря, да и то кратковременная, – дар речи. Менее существенная, чем моя нечаянная, но такая короткая радость, – разлетевшийся вдребезги кувшин. Не сразу выяснилось, что незнакомец – родной сын Прутковой. Благодаря сумасшедшему вторжению сыночка, мамочка едва не свела окончательные счеты с жизнью.

Скорее всего, я действовала в состоянии аффекта, поскольку память не сохранила ничего из того, что рассказывала позднее Наташка. Времени ее насильственного кратковременного полета в дверной проем хватило на то, чтобы она в полной мере оценила сложившуюся ситуацию. После удачного приземления под грохот угодившего в табуретку, а посему разлетевшегося на куски кувшина, она вскочила не хуже игрушки-неваляшки и с рычанием кинулась на мужика, барахтающегося на Прутковой в тщетной попытке освободить свою верхнюю половину тела от моей верхней половины. Судя по решительной недвижимости, я и сама не догадывалась, как там оказалась.

В самый ответственный момент, когда Наташка собиралась треснуть злодея по голове сковородкой, он отчаянно заблеял: «Ма-а-ма-ааа!!!» Рука подруги дрогнула, и честь принять первый, хотя и ослабленный удар этой железякой по дружескому плечу выпала мне... Вот на этом моменте я и очнулась, с трудом воспринимая доносившиеся из-под меня жалобные причитания парня, сулившего нам с Наташкой в будущем золотые горы, если мы откажемся от намерения убить его и его мать. Потому как не за что.

– М-м-му-у-у... – промычала Наташка, пошевелила нижней челюстью, утерлась рукавом и, скосив глаза на отдельно лежащую сковородку, осторожно, прислушалась к своим ощущениям. Не знаю, что услышала, но дальнейшее выговорила внятно, хотя и не своим голосом: – Ты ж ее, можно сказать, сам угробил... Бли-ин. Не дышит...

Вновь обретенная способность говорить придала подруге мужества. Мигом раскатив нас в разные стороны, Наташка брякнулась на колени перед лицом Галины. Голос вновь обрел силу набата:

– Нож, придурак! Нож давай, у нее же удавка на шее!

Торчавший в потолке нож, как нельзя кстати, свалился на осколок моей загубленной мечты, напомнив о себе конкретным звяканьем. Дальнейшие действия были слаженными и четкими. Представившийся нам своим именем Олег, не прерывая рассказа о своей замечательной матери, трясущейся рукой держал чайную ложку, с трудом протиснутую через колготочную удавку. Наташка уверенно и поэтапно перерезала ее ножом. Ни я, ни Галина не мешали. Мне, например, хватало мелкой, бездумной суеты – закрыть обе двери: одну коридорную, другую – в летнее помещение, расправить одеяло на диване, поставить на газовую плиту чайник, хлебнуть от волнения подсолнечного масла из бутылки, перепутав его с минералкой... Масло слегка озадачило, напомнив пору детства и юности, когда оно пахло по-настоящему, а я от него сдуру нос воротила. Выхватив из полиэтиленового пакетика кусочек черного хлеба, постаралась заесть им свои воспоминания. Тем временем Галина стала подавать первые признаки жизни. Для начала обрела второе дыхание. Не скажу, что нормальное, поскольку оно перемежалось диким кашлем, но зато являлось вполне осознанным. В первую очередь об этом говорил взгляд ее налившихся кровью и наполненных страданием, а потому особенно страшных глаз.

– Ирка, хватит жрать, звони в милицию и «скорую»! Олег, тащи с дивана подушки, у меня больше сил нет держать твою маму в приподнятом состоянии, спина отнимается, – плаксиво потребовала Наташка.

Галина неожиданно забила ногами, надо полагать, выражала решительный протест Наташкиному требованию вызова «скорой» и милиции. Едва ли она с такой активностью стала бы отстаивать свой кусок черного хлеба, который я дожевывала, причем не последний. Спасенная принялась рьяно отпихивать сердобольную Наташку, откуда только силы взялись. Отрывистые хриплые звуки, которые она при этом издавала, адресовались мне, во всяком случае, безумными глазами проводница тарасилась именно на меня. Олег с подушкой в руках растерянно топтался около матери и уверял ее, что все будет хорошо.

Откусанный кусок хлеба, как назло, встал у меня поперек горла. Еще бы! После увиденного... В попытке его проглотить с помощью минералки я очередной раз хлебнула масла и поняла, что с этой минуты больше никогда не буду совершать необдуманных поступков...

Словом, пока я приводила себя в порядок, отплеываясь от насыщенных вкусовых ощущений, ситуация на полу разрулилась в нужную сторону. Галина, удерживаемая сыном и подушкой в полусидячем положении, с полной самоотдачей дышала и не могла надыхаться. Сил на сопротивление у нее больше не было, да и повода тоже. Держащаяся за собственную спину Наташка с перекошенным лицом уверяла несчастную жертву в том, что ее желание – закон. Хочет сдохнуть на полу – вольному воля. Хотя любому дураку ясно, что больничные условия для этого куда лучше. Напуганный Олег выступал буфером, смягчая Наташкины слова заботой и лаской. Поглаживая мать по голове, тихо делился перспективой дальнейшей семейной жизни. Из его лепета я поняла только одно: однокомнатная квартира жилой площадью в восемнадцать квадратных метров – просто безразмерные хоромы для него, его жены, Ярика, Мурзилки и мамули. Можно будет сделать легкую ширмочку, чтобы отгородить мамуле замечательный уголок с видом на платяной шкаф. А если бывшая свекровь жены изменит свой здоровый образ жизни и не изменит своего завещания, то через энное количество лет подросший Ярик съедет в ее однокомнатную квартиру. И кто знает, вдруг, откуда ни возьмись, на Олега свалятся огромные деньги. На других же сваливаются. Например, как на Саньку Репьева в прошлом году. Выносил мусорное ведро в переполненный мусорный контейнер, высыпал туда его содержимое, да так удачно, что оно вывалилось обратно, прямо к его ногам, попутно прихватив и пару чужих пакетов. Санька тут же затропился удрать, да случайно наподдал ногой одну из упаковок так, чтобы знала свое место – ближе к контейнеру. Пакет лопнул, явив Репьеву свое богатое содержание. В результате Саня вернулся домой с полным ведром, прикрытым специально прихваченной для этой цели с помойки грампластинкой. Общая сумма российских денежных купюр сведущими людьми называлась разная. Санька неделю с размахом кутил, пропивая свою зарплату (в тайник с находкой не залезал), и спьяну чего только не болтал. Жаль, что деньги оказались фальшивыми...

Честно говоря, меня слова Олега пугали. Но Галина в их смысл не вдавалась, ласковый ручеек речи сына действовал на нее успокаивающе. Из закрытых глаз женщины скатывались слезинки. Держась руками за больное горло, она с болезненным усилием пыталась сглотнуть мифические комки. Наташка с неприступным видом подметала осколки кувшина, делясь с ними своим видением катастрофических последствий проявленного тяжело больной Прутковкой непослушания.

– Галина просто не хочет вмешивать в эту историю милицию, – миролюбиво пояснила я. – Едва ли врач «скорой» поверит, что она пыталась сама себя удушить. – И с нажимом подчеркнула: – А причины для боязни, поверь, у нее весомые. – Выдержав небольшую паузу, предложила: – Наталья, тут в столе баночка с медом, может, напоим ее?

– Только сначала перетащим на диван, – смилостивилась подруга. – Олег, твоя мать постоянно здесь проживает?

– Да в общем-то нет, – с кряхтением отрывая Галину от пола, сказал он. – Большую часть времени она проживает в своем вагоне, а здесь появляется во время отгулов, в Москве у нас квартира тесновата. А вы мне можете объяснить, что случилось?

– Можем. Но чуть позднее, – опередила я Наташку с ответом.

– Оставь, наконец, масло в покое! – рассвирепела она и вырвала из моих рук пластиковую бутылку. – Вот нейметса человеку, не знает, куда бы еще залить. Помоги Олегу, не видишь, он на себе Галину прет.

Я попыталась подхватить Галину под руку, но мне не удалось переложить часть ее веса на себя. Так и доплелась до дивана лишним грузом. С облегчением шлепнувшись на него прежде Галины, спросила:

– А кто такой Ярик?

– Ярослав. Сын моей жены от первого брака и мой приемный сын. Ему четыре года. Отличный парень.

Олег оперативно поднял с пола подушку, аккуратно отряхнул и вежливо попросил меня с дивана. Уложив на него мать, повернулся ко мне.

– Если не трудно, поднимите с пола одеяло. А если вам интересно, кто такой Мурзилка, то это соседский кот Мурзик. Частенько у нас столуется. Мама, когда устроилась работать проводницей, говорила, что хочет наконец мир посмотреть.

– Ага, в промежутках между мучительным кратковременным сном и каторжной явью, – встряла Наташка. – Не сомневаюсь, что особенно привлекательно выглядят многочисленные перроны вокзалов. Изысканная серость асфальта, чокнутые пассажиры, как с голодухи выскакивающие на каждой остановке за едой или выпивкой... А у нее вообще какая-нибудь профессия есть?

– Она библиотекарь, если сейчас это можно считать профессией.

– Замечательно! А ты тоже библиотекарь?

– Я по образованию музыкант. Скрипач в свободное от основной работы время.

– О как! – Наташка уставилась на Олега во все глаза. – Основная работа, надо полагать...

– Не надо полагать. Основных работ несколько. Даю уроки музыки, а в остальное время просто разнорабочий. Семью кормить необходимо. Жена тоже пытается совмещать несколько профессий. У нее это лучше получается.

Он с вызовом посмотрел на нас с Наташкой. Я мысленно придела его в концертный фрак и нашла, что он выглядит очень интеллигентно. Даже без очков. Перевела взгляд на Галину и отметила их сходство, только Олег по понятным причинам смотрелся несравненно лучше матери. Красавцем я бы его не назвала, но к разряду симпатяг он точно относился. Особенно выделялись на смуглом, тщательно выбритом лице пронзительно-серые глаза.

– Разнорабочий! Интересная у тебя работа! – с небольшой заминкой одобрила Наташка род занятий Олега. – Каждый раз разная. Что будем с мамой делать?

На этих словах Галина подала признаки жизни и изобразила дрожащей рукой волнистую линию. Неужели от колотившего ее озноба? Говорить она по-прежнему не могла.

– Похоже на стиральную доску старого образца. Только стирка сейчас не ко времени. А! Кажется, больная хочет к морю... – неуверенно перевела подруга.

Лицо Галины сморщилось от нашего непонимания.

Я склонилась над ней и предложила иной вариант переговоров. Мы спрашиваем, она глазами отвечает. При согласии хлопает ресницами, при несогласии... ну это понятно – никак не реагирует.

– Чаю, воды?

Никакой реакции.

– Надо подвинуть поближе к ней рефлектор, – не спрашивая мнения Галины, заявила Наташка. – От ее трясушки диван развалится.

– Кажется, рефлектор не работает, – бесстрастно доложил Олег. – Жаль, что у нас не газовое отопление. Может, у нее есть какое-нибудь обезболивающее?

– Гений! – восхитилась я. – Сюда она добиралась уже простуженная. Наверняка что-нибудь из лекарственных препаратов по дороге прикупила. Для самолечения. Где ее сумочка?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.